

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ОТВЕТНЫЙ УДАР
«ПОПАДАНЦЕВ»

Александр Сергеевич Конторович
Ответный удар «попаданцев»
Серия «Десант «попаданцев»», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2686235

Аннотация

Не все сражения выигрываются на поле битвы. И не всегда победе сопутствуют бравурные мелодии и победные крики. Иногда работа в тылу противника куда как важнее выигранной баталии. Пусть эта работа почти не видна и о ней не составляют победных реляций.

Содержание

Пролог	6
Стремительный домкрат	22
Глава 1. Как ковался калифорнийский клинок	22
Глава 2. Финансы поют романсы	65
Глава 3. Ваше слово, товарищ «Маузер»!	97
Глава 4. Хрустит, но не французская булка...	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Александр Конторович

Ответный удар

«попаданцев»

Памяти Сергея Клюева посвящается

«Если реальность не совпадает с вашим представлением о ней – измените реальность».

Анонимный автор из соседней реальности

Дорогие читатели!

Надеемся, что очередная книга проекта будет для вас не менее интересна, чем предыдущие. Наш проект развивается.

С уважением

авторский коллектив проекта «1790: Десант попаданцев»:

Сергей Клюев aka Клим

Конторович Александр Сергеевич aka Дядя Саша

Мысловский Константин Валерьевич aka Котозавр

Мысловская Наталья Николаевна aka Улыбка Енота

Кулькин Александр Юрьевич aka Старый Империалист

Серебренников Евгений Михайлович aka Всеслав

Тоскин Николай Валерьевич aka NikTo

Ершов Александр Александрович aka Zybrilka

Яворская Елена Валерьевна aka Цинни
Мельников Вадим Артурович aka Spassk
Губанов Кямиль Валихад оглы aka Shono
Коваленко Владимир Эдуардович aka ВЭК
Романов Александр Юрьевич aka П.Макаров
Спесивцева Елена Валериевна aka Елена Горелик
Спесивцев Анатолий Федорович
Чердаклиева Ирина Николаевна aka Cherdak13
Чердаклиева Екатерина Николаевна aka Катя
Акимов Сергей Викторович aka Cobra
Логинов Анатолий Анатольевич
Рыбаков Артем aka Artof aka
Сердаров Андрей aka Курбаши
Кокорин Сергей aka Змей
Ким Сергей aka Set Sever
Коршунов Евгений aka Dingo
Артюхин Сергей aka Лорд д'Арт
Колганов Андрей aka Запасной
Александр aka Зануда
Константин aka Рысенок
Марина aka Котенок
Сергей aka Дог

Пролог

*«Когда на карту поставлена торговля, мы
обязаны сражаться за нее насмерть».*

Уильям Питт-старший

Апрель 1794 года

Англия, Лондон

Даже плотные шторы на окнах неприметного особняка, расположившегося на окраине Лондона, не спасали его обитателей от кислотоватого привкуса, висевшего в воздухе. Уголь приносил доход в казну, но он же и душил своим дымом жителей городов, губил шахтеров, покрывал черной пылью стены домов и мостовые.

Сэр Роберт Лонгвуд недовольно поморщился и протянул руку за колокольчиком. На звонок немедленно отозвался клерк, прислуживавший хозяину кабинета. На побочные занятия, к которым наверняка относилась обязанность докладывать вверх обо всех словах и, в первую очередь, о действиях своего патрона, руководитель одной из спецслужб Королевства предпочитал не обращать внимания. Как сказал бы герой одной из сказок нашего времени: «дело житейское!»

Войдя, слуга, прежде чем добавить новое полено в камин, зажег от свечи ароматную пирамидку из Индии, которые в

очередной раз входили в моду среди высшего света столицы. И положил на стол несколько разнокалиберных пакетов и конвертов, доставленных курьерами от самых разных корреспондентов, снабжавших новостями одну из лучших разведок XVIII века. Среди почты находились и свежие газеты, которые сэр Роберт начал просматривать, пока в комнате находился посторонний. Терпеть при себя соглядатая начальства – это одно, но вот помогать ему даже в мелочах – увольте!

Что привлекло внимание писак с Флит-Стрит сегодня?

Так, это они переврали...

А вот про очередной пожар на верфях подробности в изложении репортеров рассказаны на удивление правильно. Кто это у нас такой осведомленный? Надо взять на заметку.

Политика... Здесь можно пропустить. Речь премьера, конечно, производит впечатление, но гораздо больше осталось между строк.

Светская хроника. Ну-ка, ну-ка. Интересно. Очередной скандал среди известных фамилий новых аристократов. Весьма примечательно, что махинации выявились на весьма популярных скачках, проходящих под патронатом лорда Дерби. Почитаем.

«Как стало известно, фаворит второго заезда в Аскоте, так неожиданно сошедший с дистанции в прошлый уик-энд, не смог закончить гонку исключительно стараниями корыстного конюха, который польстился на взятку одного из завсе-

гдатаев скачек. Пикантность происшествию добавляет сам факт вручения денег издоимцу буквально непосредственно на глазах у распорядителя и уважаемых членов Скакового Клуба. Улики представляются настолько неопровержимыми, что последующее решение о запрете нарушителю отныне появляться на любом скаковом мероприятии Королевства, принятое руководителями Королевского Скакового клуба, не оспаривалось никем. Нарушителем правил честной игры на Королевских скачках оказался молодой человек, только что закончивший Тринити-колледж в Кембридже. Его имя – сэр Уильям Конгрив¹, 2-й баронет, происходит из известной семьи, уже подарившей Англии такого выдающегося человека, как отец нашего «героя», сэр Уильям Конгрив, 1-й баронет и генерал-лейтенант, смотритель Королевских Лабораторий Королевского Арсенала.

Тем более прискорбен факт, что отпрыск известной фамилии позволил себе пойти на поводу банальной корысти, подогреваемой отнюдь не платоническими чувствами к некоей особе, фамилию которой мы не упоминаем исключительно в силу низкого происхождения данной особы. И рода занятий, выбранного ею для прокормления.

Следует с уважением отнестись к решению главы семейства, не ставшего закрывать глаза на прегрешение своего

¹ В нашей истории – полковник, изобретатель, с 1801 года занимавшийся конструированием и производством боевых ракет для английской армии. В мире ДП ему уже не светит создать оружие, с помощью которого англичане сожгут Булонь в 1806 и Копенгаген в 1807 годах. (Здесь и далее прим. авт.)

первенца. Лишь некоторая суровость наказания, по мнению некоторых достойных джентльменов, высказанным нашему репортеру частным порядком, может удивить наш свет, привыкший, что и не такие выходки сходили с рук. Хотя, по мнению редакции, именно такая реакция достойного сэра Уильяма-старшего только подтверждает незыблемость устоев нашего общества.

Теперь ветреному шалопаю придется долгие десять лет провести не только вдали от отчего дома, но и от берегов нашего Острова. Вакансий для офицеров наших колониальных войск в заморских владениях всегда было больше, чем кандидатов на них. Редакция надеется, что должность лейтенанта одного из Королевских полков в Канаде поможет сэру Уильяму Конгриву-младшему осознать глубину своей вины. И он не только проведет время на службе Отечеству с пользой для Королевства, но и окажется способен смыть неприглядное пятно с репутации своей семьи».

Хм... Однако молодежь в последнее время слишком часто умудряется направлять свою энергию отнюдь не на праведные и доблестные дела. По заслугам получил сорванец. А его отец, чтобы там ни писали газетчики, слишком проникся дурными новшествами, приносимыми нам с континента. К чему это приводит – мы наблюдаем во Франции. Лишение титула – самое малое, что заслужил бы за подобное любой наследник знатной фамилии при деде нынешнего короля. Окажись его делишки известны свету, конечно.

К этому времени почтенный джентльмен остался в одиночестве и смог без помех разобрать корреспонденцию. Ничего особо срочного в ней не оказалось. Но, тем не менее, несколько сообщений были чрезвычайно интересны. Поскольку являлись ответами на многочисленные запросы, отправленные сэром Робертом в разные части света еще в прошлом году.

Отложив самые важные из писем, он встал и прошел к бюро в глубине кабинета, где за надежными замками работы итальянских мастеров хранился его личный архив. Открыв по очереди несколько ящичков, мастер тайной войны выбрал нужные папки и вернулся за стол.

Так. Вот и пришли известия от проверенного агента при дворе вице-короля Новой Испании. Хотя...

Однако!.. Весьма печально!

Та комбинация, которая была задумана практически экспромтом, но, тем не менее, сулила весьма недурственные результаты, окончилась, даже фактически не начавшись. Вздорный, но родовитый сеньор, попавший довольно случайно в штат полка, оправленного для подготовки к этим непонятным поселенцам в Калифорнии, не смог ужиться на новом месте службы. Командир как раз отсутствовал в расположении, иначе простым отчислением из рядов и отправкой в столицу лейтенант Рауль Себастиан Кастадо-и-Рональдо явно не отделался бы. По мнению всех, знавших полковника Маноло, к делам службы тот относился очень серьезно

и не прощал, в первую очередь офицерам, малейших нарушений. Особенно, если таковые касались гражданских лиц. Еще осенью 1791 года упомянутый лейтенант позволил себе слишком вольное поведение в отношении одной из обитательниц поселения неподалеку от расположения своего полка. Подробности не известны, кроме того, что офицер был немедленно отправлен в распоряжение своего начальства с настоятельным требованием провести дознание и наказать своей властью. Заместитель командира полка не решился затевать ссору с молодым человеком, имевшим влиятельных родственников. Вот тут непонятно – как вообще с такой поддержкой за спиной сеньор Рауль мог оказаться вдали от метрополии? Теперь сэр Локвуд озадачился вопросом, почему он раньше не обратил на данный факт специального внимания. Но изменять что-то было уже поздно. Что же произошло дальше?

Как уже говорилось, чтобы не обострять отношения, заместитель полковника решил вопрос самым простым для себя способом – откомандировал нарушителя ко двору вице-короля, сопроводив, естественно, курьером с ворохом бумаг. Устранив причину необходимости самостоятельно принимать решения. Вполне могу понять этого майора, у идадьго здоровые инстинкты.

При дворе было не до таких мелочей, все пребывали в предвкушении дележа сокровищ «Аточи», до которых испанцы все же добрались. Жаль, конечно, что английский

флот не смог сам организовать подобную экспедицию, но об этом пусть болит голова у Адмиралтейства. Им хватило той взбучки от премьеры, которую он устроил лордам за отсутствие малейшей инициативы – они даже не попытались совершить набег на место подъема драгоценного груза. Хотя, как стало точно известно, охраняли экспедицию всего три фрегата. Для колониальной эскадры Британии такой конвой оказался бы на один зуб! А моря в тех местах славятся внезапными штормами и наличием весьма предприимчивых отчаянных мореходов. Дело можно было бы обстряпать самым лучшим образом. Лишний повод задуматься, что хуже – дурак с инициативой или способный адмирал, но не умеющий видеть дальше берега Темзы. Умеющий только грамотно командовать своей эскадрой на той позиции, что ему назначило правительство.

Сэр Роберт тяжело вздохнул и продолжил чтение. Чем же закончилось дело?

Доверенное лицо английской разведки в Новом Свете проявило участие к «невинно пострадавшему». А поскольку агент и сам занимал при дворе не последнее положение, облегчить участь офицера труда ему не составило. Не бескорыстно, естественно. Подробный отчет о системе подготовки Второго полка лейтенант составил, жаль, что его способностей явно не хватало на толковый анализ увиденного. Да и, как оказалось, особым рвением по службе он не отличался, поэтому и не стремился постигнуть новые приемы такти-

ки. Предпочитая делать карьеру старым проверенным способом, то есть по протекции. Но, как говорится, с паршивой овцы... Определенный интерес доклад все же представлял.

Дальше же дела приобрели совсем нежелательный оборот. К началу нынешнего года резидент и его новый агент решили поправить свое финансовое положение. Интриги, карьера – это все увлекательно, но должно, по мнению этих двух недотеп, приносить и материальную прибыль. Мысль, в целом, верная. Если бы только они исполнили свой план на должном уровне. Попытка добыть оружие нового образца, которым перевооружали батальоны Второго полка, закончилась плачевно. Причем для обоих участников, умудрившихся втянуть в свою авантюру еще парочку персон поменьше рангом. Разных сержантов и кладовщиков можно даже не упоминать, ведь под суд угодили заметные и родовитые фигуры. В этот раз вице-король нашел время для личного разбирательства. Сеньор Хуан Висенте де Гуэмес Пачеко-и-Падилья был решителен и непреклонен. В своем роде. Судя по дате отправки донесения, можно больше не ожидать новых посланий от главного распорядителя приемов при дворе Новой Испании. Оба титулованных арестанта ближайшим судом были отправлены в метрополию.

Очень печально. Нельзя сказать, что сэр Локвуд жалел попавшихся на горячем агентов. И не такие фигуры даже на эшафот всходили. Разведка, считал он, вообще удел высокородных. Достаточно только вспомнить, кто стоял у истоков

английской Секретной Службы, кого вербовали в осведомители и шпионы ее сотрудники за те годы, что уже прошли с момента становления такого необходимого инструмента государственной политики.

Жаль было времени и денег, затраченных на этих двух неудачников. Не более того. Ах да! Еще, конечно, весьма прискорбно, что теперь придется снова терять время на поиск новых доверенных лиц. Тот агент, что прислал данное письмо, по своим возможностям, к сожалению, никак не удовлетворял запросы Бюро на знание хитросплетений колониальной политики Испании на месте событий.

На несколько минут в кабинете воцарилась тишина, не нарушаемая шелестом бумаг. Только уютно потрескивали бумажные поленья в камине.

Вот только, продолжал свои размышления сэр Роберт, несколько странно, почему не заметно никаких признаков замены сеньора Хуана Висенте. Как ранее сообщал заслуживавший доверия источник из Мадрида, даже стала точно известна кандидатура, готовая занять теплое местечко у такой лакомой кормушки.

Дон Мигель де ла Грау Таламанка-и-Бранкифорте. Который весьма благосклонно отнесся к намекам о желании неких лиц пополнить его кошелек за некие, весьма необременительные, услуги. Уже было отдали приказ формировать эскадру, должную обеспечить доставку важного пассажира к новому месту службы.

Ну-ка, ну-ка, что-то ведь было в последней депеше из Фортиса?

Точно, вот оно!

Вместо отправки кораблей в Новый Свет в столице Испании продолжают непонятные танцы вокруг прибывшего полковника Алехандро. Успевшего получить аудиенцию у короля, при содействии Годоя, демонстрирующего активный интерес к расширению подготовки испанских войск по образцу Второго колониального полка.

Маркиз Альварес де Фариа, уже почти два года Первый министр правительства, изрядно попортил крови британским дипломатам. Все их усилия склонить Испанию на свою сторону в борьбе с Францией пока натывались на искусное лавирование дон Мануэля. Правда, результат таких маневров оказался несколько неожиданным для Мадрида. После казни Людовика XVI, в марте прошлого года, Франция сама объявила Испании войну. Которую вела достаточно удачно для себя.

Поэтому становится вполне понятен интерес министра к провинциальному служаке, добившемуся впечатляющих успехов в боях против английских частей, пусть и весьма ограниченных по численности. Годой даже авансом согласился на такую реформу, как организация дивизии, формирования, ранее не встречавшегося в испанской армии.

Бог с ней, с Испанией. Как раз то, что она сейчас завязла в проблемах с Францией, только выгодно Англии. Какие

бы войска сеньоры там ни готовили, время работает против них. При условии, что оно работает на Британию. А вот тут похвастать нечем. Хотя конкретной вины службы, руководимой сэром Робертом, тут как раз нет. И начались некие события, сейчас тормозящие движение страны к заветной цели – стать всемирной торговой империей, отнюдь не вчера, и не пару – тройку лет назад.

Пришлось еще раз сходить к бюро и достать пухлую папку, куда уже много лет подряд один из теневых руководителей Королевства подбирал документы. Помогающие, как он надеялся, выявить истинного виновника неудач в начинаниях, суливших прекрасное будущее. Как государству, так и людям, создающим его.

Итак. С чего необходимо начать? Пусть бумаги перечитаны не один раз, рассмотрены, казалось, все возможные комбинации событий, происходивших в разных концах света в близкие отрезки времени. Но каждый раз новые сведения добавляли в картину, постепенно складывающуюся в голове сэра Локвуда, свои штришки, все более утверждающие его во мнении, что правительство Британии не уделяет должного внимания своему давнему и постоянному сопернику. Глупо принимать Россию просто за дикую и варварскую страну, хотя в глазах цивилизованных людей она другого отношения и не заслуживает. Попытка царя Питера подтянуть своих подданных хоть немного поближе к уровню настоящих европейцев потерпела закономерный крах. Модные французские

тряпки не сделали из русского медведя галантного партнера по танцам. Пугало для обывателя, сторожевой зверь на границах с еще более дикой Азией – большинство окружающих иной роли русским не отводят. И зря они это делают, между прочим. Старый разведчик убежден, что настоящих намерений этих полузверей в человеческой одежде пока не знает никто. Но в том, что они есть, и направлены исключительно вовне, в тот гармоничный и процветающий мир европейской культуры – лично у него сомнений нет. И цель языческой по сути, хотя и христианской формально, империи – только в стремлении подмять под себя излишне доверчивую Европу. Не занять отведенное ей природой и волей высших народов место, а разграбить и сожрать плоды чужого труда!

Чрезвычайно жаль, что сторонников его теории не так много, и занимают они не самые важные посты в правительстве. Слабым утешением может служить только тот факт, что такие люди есть и в других странах, не только в Англии. Но, Боже Всемогущий, как их мало! Видящих угрозу, но не имеющих реальных сил донести свою тревогу до власти имущих.

Больше всего мешало, что глава Секретной Службы, сэръ Уильям Иден, до сих пор почивал на лаврах своих успехов в деле вербовки агентов у мятежников, в бывших английских американских колониях. Спорить трудно, достижения были реальные и принесли определенные выгоды. Если закрыть глаза на финал – колонии все же были потеряны для Короны. Наличие хорошо осведомленных шпионов в самом бли-

жайшем окружении американского президента – ну и что, по большому счету? В ближайший год войны там не намечается, сильной помехой в развитии пушной торговли метрополии карликовые Штаты пока не стали. Куда больше вреда приносила конкуренция между частными компаниями, достаточно вспомнить авантюры, которые затевали руководители КГЗ и СЗК. Ладно, что они портили нервы сопернику, но ведь финансовые потери несли уважаемые вкладчики, среди которых не последнее место занимал и сэр Локвуд.

Вот кстати. История смерти милорда Роула. Расследование так и не смогло доказать наличие чужого злого умысла и нахождения посторонних в кабинете уважаемого джентльмена. О присутствии в доме в тот злополучный вечер личного агента сэра Роберта не знал никто, кроме него самого, хозяйина и дворецкого. Но потом следы шпиона пропали. Последним его видел слуга, проводивший гостя в отведенную тому комнату. Под утро, зайдя проведать сэра Оливера, обнаружил его уже холодным, со счастливой улыбкой на левой половине лица, не искаженной предсмертной судорогой. Врачи единодушно поставили диагноз – удар как следствие сильных переживаний. Что могло настолько взволновать прожженного политика, азартного и удачливого биржевого игрока? К сожалению, бумаги покойного, после визитов многочисленной и жадной родни, пришли в совершеннейший беспорядок. Судебные тяжбы по дележу наследства продолжаются по сей день, но никаких следов документов, интересу-

ющих разведку Британии, в поместье не обнаружено. Равно как и судьба соглядатая, имевшего задачу прослушать разговор сэра Роула с одним из своих подручных, небезызвестным Генри Марлоу, покрыта мраком. Узнал что-то очень важное и, тем самым, опасное для постороннего свидетеля? Но последовавшие несколько позже беседы с Марлоу ничего особенного не прояснили. Лишь дополнили отчет, который он предоставил своему нанимателю. Пусть в ходе разговора и выявились некоторые интересные факты о предмете любопытности сэра Роберта, но угрозы для жизни кого-либо они явно не представляли.

Загадка, одна из многих, которая имеет все шансы так и остаться неразгаданной. Начальство, как ему и положено, затребовало отчет, приняло выводы, его устраивающие, а от остального просто отмахнулось. Лишнее доказательство того, что благодушное настроение, царящее в лагере «новых» тори, слишком заразительно! Ведь сколько сторонников «партии страны» перебежало в стан «грабителей»² после вступления на престол Якова Третьего, слишком озабоченного укреплением своей личной власти, а не благом Королевства! Осторожная и планомерная торговая экспансия, невмешательство в европейскую политику – трудно представить все губительные последствия такой недалёковидности для государства. Трения в самой партии вигов, где явные

² Представителей «партии страны» называли вигами (Whig в Шотландии – человек вне закона), а «партии двора» – тори (Tory, *ирл.*, грабитель).

предатели во главе с Чарльзом Фоксом ратовали за сворачивание создания антифранцузской коалиции... Несть числа подобным примерам явного и тайного отступничества от великой идеи создания мировой торговой Империи!

Как убедить в своей правоте несогласных и колеблющихся? Однозначного ответа у сэра Роберта не было. Подать в отставку? Но она не исправит положения, только уменьшит и так не слишком большие возможности влиять на кабинет в нужную сторону.

Выход один – срочно необходимы весомые и неопровержимые доказательства наличия у противника намерений и, самое главное, возможностей изменить складывающийся баланс сил не только в Европе, но и в остальном мире. Исключительно в свою пользу. Для неудержимого продвижения своих варварских привычек и обычаев на запад и юг. Именно туда, где сейчас закладывается будущее Великой Британской Империи, пусть даже мысленно ее так пока никто не называет.

От столь возвышенных мечтаний его отвлек почтительный стук в дверь и голос клерка.

– Сэр! Приношу извинения, но джентльмен из Адмиралтейства желает получить у вас аудиенцию.

– Зайдите! – приказал сэр Локвуд, одновременно закрывая папки (к слову – не имеющие на обложках названий) и прикрывая остальные бумаги от нескромных взглядов.

Вошедший чиновник замер в паре шагов от двери, всем

видом демонстрируя служебное рвение и личное неудовольствие попыткой какого-то там моряка посягнуть на рабочее время хозяина.

– Кто такой? Он назвал себя?

– Несомненно, милорд. Сэр Джонатан Харгривс, чиновник по особым поручениям Специального комитета Адмиралтейства, – клерк снова замер, дожидаясь высокого решения.

«Ну конечно, иного трудно было ожидать! Забегали, когда поняли, что сами не в силах разобраться, где кончаются бессмысленные всплески недовольства черни, а где начинаются козни внешних врагов Англии!»³

– Хорошо. Можете сообщить, что через десять минут я его приму...

³ Все предположения сэра Генри Локвуда являются его личным мнением, не являющимся официальным курсом английской политики конца XVIII века. «Англичанка», конечно, «гадила» России при малейшей возможности, но пока не считала ее своим главным врагом. Только одним из многих, не заслуживающим в данный момент особого внимания, в ущерб остальным странам-конкурентам.

Стремительный домкрат

*«... в том, что мы знаем, как делать не надо.
Знать бы еще – как надо!*

*Но это был бы вообще белый рояль в кустах!».
Политрук Иванова. «Третий фланг»*

Глава 1. Как ковался калифорнийский клинок

«И бесконечные патроны...».

Из переводов Гоблина

Лето 1793 года

Калифорния

Зануда

Похоже, мы довели капитана Родригеса до такой степени изумления, что он не удивится, даже если мы начнем левитировать и пулять файерболоми. По крайней мере, гелиограф и сигнальный фонарь с калильной сеткой он осмотрел с вежливой скукой на лице. Сразу видно – не моряк. Ну и рабано⁴ с ним. И без него забот хватает – несмотря на все стара-

⁴ По-испански – редька, хрен, редиска, вообще крестоцветные овощи со жгучим на вкус корнем.

ния нашего начальства прикинуться шлангом, вице-король недвусмысленно разъяснил, что в обязанности нашей развселой компании входит еще и береговая охрана.

Но мы тоже не лыком шиты. Еще когда эта тема впервые всплыла в разговорах в избе-ругальне (так после бурных объяснений с сеньором Бодега прозвали переговорную), были разосланы письма и в Гавану, и в Нью-Йорк, и в Плимут, словом, во все места, куда разбежались наши люди. Так что стратегию, тактику и даже кое-какую технику мы подготовили. Лично я рожал химические источники тока. Кто сказал «рация»? Еще раз услышу – засажу в ламповую лабораторию ртутью дышать! Телеграф. Обычный проволочный телеграф. Связывающий между собой две дюжины наблюдательных постов от президио Сан-Франсиско до устья Ашокавны⁵.

По отдельности у нас уже все было: и провод, и изоляторы, и гальванические элементы, пусть корявые и громоздкие. Но – экспериментальные образцы, собранные вручную, каждый со своим характером... А тут – одних изоляторов по проекту надо почти пятьдесят тысяч. Причем глазированных, которые приходится два раза в печь сажать. Самим делать – так Ире и ее команде три месяца только этим и заниматься... А в Санта-Клару отдавать – стандарт надо писать, потом переводить на испанский, потом добиваться соблюдения. Эти кустари-одиночки без мотора никак не усвоят, что стандарт – закон, план – долг. А уж если начать измерять

⁵ Одно из индейских названий Русской реки в Калифорнии.

размеры – вопят и за навахи хватаются, будто не горшок, а жену или дочь лапают.

Одного самого горластого даже пришлось воспитывать неэкономическими методами. Причем все по закону. Контракт сорван – плати неустойку. Не можешь заплатить – отработай. И никакого пеонажа⁶, полная свобода выбора – или девять месяцев на угольном карьере, или три – в кузнице. Или продавай дом... Он выбрал кузницу.

И так – со всем, за что ни схватишься. Грозоразрядники, например. Вот насколько часто в Калифорнии молнии ударяют в провода? В энциклопедиях этого нет. Собственной статистики тоже – пока Бог миловал, но на нашей ЛЭП и столбы низенькие, и идет она по долинам. А телеграфная линия будет взбираться на горы, где размещаются НП. В общем, думаем, считаем, спорим, экспериментируем... И, наверное, про себя молимся.

Вслух об этом не говорим, но ведь живем в опасном мире и делаем опасные вещи. Та же взрывчатка – технология отлажена, производство продумано и организовано, и катастроф пока не было, но все равно когда захожу в «горячую» зону⁷, в животе начинает сосать...

Но пока живы, надо жить! Радовать жен и воспитывать детей. А то распустились! Пока я ковал обороноспособность

⁶ Форма долгового рабства, распространенная в свое время в Латинской Америке.

⁷ Внутренний термин, опасная зона на производстве.

державы, Негра тяпнула Белого Клыка до крови. Не просто так – он ей пальцами в глаза полез, юный натуралист, блин. Хитрая Змея вздула и зверенка и ребенка, и вышла мне навстречу, чтобы рассказать. Одобряю, иду в дом.

Кто такая Негра – отдельная история. Началось все с нефти. Когда мы стали покупать ее регулярно и бочками, Педро, который не дон, а просто купец, почувал выгоду и купил участок земли рядом с миссией Св. Бонавентуры⁸. Наши экономисты почували и выгоду и угрозу и взялись скупать земли в прибрежной полосе от Св. Варвары до Гавриила Архангела. На почве чего перезнакомились со всеми тамошними асиендаторами. Один из них был страстным коневодом и имел племенного жеребца андалузской породы. И, оказывается, уже слышал про нашу Болгарию и сам искал контактов.

Аманда, узнав про это, развила бурную деятельность, дошла до Дяди Саши и выбила из него людей, ресурсы и один рейс «Ласточки» туда и обратно. Сама поехать не смогла – ей уже подходили сроки рожать, отдуваться пришлось Догу. Но он задачу выполнил и перевыполнил. Привез не только довольных кобыл, но и трех щенков. Подрощенных, переболевших чумкой и получивших уже имена – Аквила, Роха и Негра.

Я напряг обаяние, служебное положение и личные свя-

⁸ Испанские католические миссии. Миссия Св. Бонавентуры к северу от современного Лос-Анджелеса, Св. Варвары – еще севернее (современная Санта-Барбара) а Гавриила Архангела – южнее.

зи и выцыганил черную сучку. Индейские собаки слишком походили на шакалов и видом, и характером. А эти – лоберо и бойеро⁹, так что должны вырасти посмелее и попонятливее. Сергей видел родителей – папаша, говорит, вылитый Гарм, только поменьше и полегче. Да и просто люблю больших черных собак. Особенно когда они маленькие.

Хитрая Змея по обыкновению промолчала. Настоящий индеец женского пола. Вроде бы даже одобрила. Нет, вслух она меня ни разу не осудила, даже когда я дома (в смысле – под навесом) верстак поставил. Поступок для индейца противоестественный – мужчина это воин или охотник, а ремесленник если не женщина, то уж точно не мужчина. У меня, к счастью, ума хватило не тащить инструменты в дом, в женское хозяйство. Хотя что ей не понравилось – долго понять не мог, хорошо – Евгений подсказал.

Эх, трудно все-таки жить с каменной бабой. Грех жаловаться, конечно – хорошая хозяйка, дисциплинированная. Скажешь говорить – говорит, не скажешь – молчит. И жалко ее, чувствуется, что жизнь у нее была трудная. Крошки со стола собирает в точности как моя бабушка, пережившая войну и послевоенную разруху. На левом боку шрам от копья или ножа. Как это случилось – не знаю, разговоры о прошлом она не поддерживает. В общем – загадочная женщина...

Кстати, о женщинах. Кажется, я понял, кого можно поставить на секретную и ювелирную работу в ламповой лабора-

⁹ Perro boyero – пастушеская собака, lobero – волкодав (исп.).

тории. Девушек-вышивальщиц. Глаза молодые, зоркие, руки твердые и умелые, значит, и катоды и сетки варить они тоже смогут.

Сентябрь 1793 года

Пара гнедых, запряженных с зарею... Не то. Эскадрон гусар летучих – уже теплее. Но тоже не то. Как же там было? А, вспомнил: «Во рту будто гусарский эскадрон ночевал». Умри, Денис, лучше не скажешь. Ой, ну зачем я пошевелился?! Я дерево, я дерево, у меня голова не болит, потому что ее нету. И вообще деревья не пьют и похмельем не мучаются. Ой. Но вставать надо. Пионер – всем ребятам пример. Хотя какие пионеры? У нас – эксплораторес ховенос¹⁰. И почему меня это волнует? Точно помню, что забыл что-то важное. С трудом разлепляю веки... Что с потолком? Он над самым носом и наперекосяк. Дом рухнул? Землетрясение? Дети целы? Ой, ну зачем я опять дернулся?! Но по крайней мере понял, где я – в палатке, с краю, оттого полог так низко. Так, собираю себя в кучку и беру в руки. Что я вчера делал и зачем столько пил?

Хотя, когда я вечером забирался в палатку, был вроде бы практически трезв. По крайней мере шел сам, без поддержки жены. Ой, жена! А я смотрел на тацнующих испанок как холостяк. Поворачиваюсь, морщась от боли и осматриваюсь. Слава Богу, сосед усат, так что совесть моя чиста. Но башка

¹⁰ Exploradores juvenos – юные исследователи. (исп.).

трещит. А вставать надо. Ну почему по утрам так холодно? Медленно и плавно, чтобы не расплескать, вылезаю из-под одеяла, натягиваю одежду и, не обуываясь, выползаю наружу.

Солнце только-только встало и висит над самым горизонтом большим красным помидором. На траве – обильная роса, в долине туман. Часовой под грибком (первое, что мы соорудили, расположившись лагерем) то ли медитирует, то ли спит с открытыми глазами. Пардон, часовая. Застегиваю куртку на все пуговицы, надеваю кепи и строевым шагом следую в направлении столба с буквами М и F.

Оправившись и вымыв руки, обхожу лагерь по периметру. Траву мы еще не вытоптали, и она приятно холодит босые ноги. Солнце поднялось, значит, до подъема недолго и спать смысла уже нет. Восстанавливаю в памяти события... Вчера вечером мы в узком кругу вожатых отпраздновали основание лагеря. Перед этим ужинали, укладывали ребят спать, ставили палатки и вообще обустроивались. Еще раньше был пеший переход, короткий, на полдня, но трудный, потому что в гору да по тропе, где повозкам не проехать, так что палатки и еду везли во вьюках. Ребята однако уже втянулись, шли бодро, даже младшие. Не то что в первые дни, когда к привалу повозки были завалены мочилами¹¹, пардон, рюкзаками.

Погуляли вчера, конечно, хорошо. Разожгли костер, пели под гитару, плясали, сначала все, потом, уложив млад-

¹¹ Mochila – рюкзак, заплечный мешок. (исп.).

ших, старший отряд и вожатые. Даже удивительно, откуда силы берутся. Хотя регулярные упражнения, конечно, себя оказывают. У нас на химкобминате имени монаха Бертольда Шварца сильная самодеятельность. Тоже своего рода ирония судьбы – можно сказать, строим коммунизм в одном отдельно взятом поселке во враждебном феодальном окружении. Хотя с другой стороны – разве не так поступал Дюпон на своих пороховых заводах? Специфика производства диктует. Даже вице-король понимает: человек, работающий со взрывчаткой, должен быть здоров душевно, доволен жизнью и лоялен правительству. «Пороховой заговор» те, кому надо, помнят, хоть и было это давно и в Англии. Плюс соображения секретности и безопасности. Вот и получается, что завод и рабочий поселок фактически экстерриториальны.

Но и люди у нас подобрались замечательные. Отбираем, конечно, кандидатов внимательно, к тому же, трусы и нытики сами на опасное производство не пойдут, но и коллектив уже сложился и определенные традиции. Например, танцы каждый вечер. На первый взгляд – баловство и расточительство, если у работника после смены есть силы на развлечения, значит, он на работе не выкладывается. А с другой стороны, постоя-ка целый день над баком, который может взорваться, да так, что не то что костей – пепла не соберут. После такого душа требует нажраться в хлам или еще как оттянуться, порадоваться, что еще один день прожил. А пьянство у нас не поощряется. Вот и собираемся вечерами, если

погода позволяет, у дома культуры, а если не позволяет – в нем, и отплясываем до упаду.

И что интересно, внешне креолки не очень. Лица грубые, ноги волосатые, вообще не эталон женской красоты. Но когда выходят в круг, поводят плечами и помахивают подолом – мужчины падают штабелями, не переставая отбивать темп ладонями. Зимой мы так потеряли бригаду аппаратчиц в полном составе: за два месяца все оказались беременными и были переведены на легкие и безопасные работы.

Из палатки выбирается Мигель – универсальный солдат. Точнее, отставной сержант, действующий пионервожатый, вахтер, дьякон, а конкретно сейчас – трубач. Молча салютует мне рукой и идет к стратегически важному столбу. Я возвращаюсь к палатке и вытаскиваю из тамбура деревянный ящичек с хронометром (часовой механизм артефактный, а вот циферблат и корпус сделаны нашими руками). Что он, что походные солнечные часы, которые мы вкопали рядом с грибок часового, показывают, что через полчаса подъем. Иду к женской палатке и деликатно стучу по шесту – поварихам надо вставать заранее, да и вожатым хорошо бы иметь запас времени, чтобы продрать глаза. Ноль внимания. Ладно, сони, есть у меня для вас спецсредство. Начинаю дергать за завязки входа. Бумс! Ну, зачем же котелок кидать?! Он ведь и помяться может! Затем хорошо спевшийся дуэт осыпает меня цветистыми испанскими проклятиями и угрозами. Ладно, ладно, соловушки, я же вас будил, а не подгля-

дывать лез.

На шум из палатки вожатых вылезает Курбаши – начальник всего этого безобразия. Но я успел отойти и сейчас тщательно изучаю солнечные часы. Без двадцати минут подъем, без пятидесяти завтрак. Он подходит и шепотом осведомляется, чем недовольны наши дамы. Я также шепотом отвечаю – тем, что разбудили. Мигель уже оправился, умылся у родника и подходит к нам с горном в руках. Поварихи вылезают из палатки, машут нам руками и, сверкая белыми икрами, бегут к роднику. Да, готовить на такую ораву – труд еще тот, одного чая заваривать два ведра. Ну, ничего – воду мы вчера натаскали и дров набрали *viribus unitis*¹².

В палатке младшего отряда – тихая возня. Кто это у нас не дотерпел до подъема? А, понятно, юные сигнальщики, Хосе и Хорхе. Мальчишки сразу же бегут ко мне, но за несколько шагов переходят на шаг и с уморительно серьезными мордашками обращаются:

– Камрад Александро, а сигналы точного времени уже были?

– Нет, камрады, еще рано. Сначала будет подъем, а сигнал передадут на полчаса позже. Не волнуйтесь – я за временем слежу и вас предупрежу. Бегите лучше умывайтесь, пока очереди нет.

Хорошо им, все вокруг новое и интересное. Хотя сигнальные фонари и гелиограф и у взрослых вызывали восхищение

¹² Соединенными силами (*лат.*).

и восторг. Электрический телеграф – дело пока секретное, а связь между постами и фортами держать надо. Слава Богу, у нас несколько человек знали азбуку Морзе (блин, опять оговорился, телеграфную, конечно же) и, главное, как учить. Пришлось, правда, сочинять напевки¹³ на испанском. Причем, что характерно, кроме официального варианта очень быстро появился нецензурный. Ну да кто из нас без греха... Главное – у нас уже есть телеграфисты, и когда удастся заставить работать радиостанцию, будет кого к ней посадить...

Конец ноября 1793 года

Калифорния

Из дневника Сергея Акимова

Последний месяц года, а как он не похож на такие же в другие времена и на других широтах! На десяток градусов ближе к экватору, если сравнивать с моей родной Одессой – и такой контраст. Только близость прохладного, из-за течений, Великого океана добавляет немного родного промозглого осенне-зимнего колорита.

Но это опять в лирику меня унесло. На которую времени не так и много остается, несмотря на то, что – тьфу-тьфу-тьфу – в некоторых областях мы добились определенного прогресса и такой дикой гонки, как в первые дни и месяцы попадалова, уже нет. В ближайшее время каких-либо наез-

¹³ Фразы для запоминания количества точек и тире, которыми передается та или иная буква.

дов со стороны наглов ждать нам вроде не следует, если верить писаной истории. Не до нас им, если трезво смотреть на вещи. Франция, США, очередной бардак в Индии – при всем желании отомстить за пару щелчков по носу, что они от нас получили – быстро что-то придумать они не смогут. А если смогут, то по чисто техническим причинам не осуществят. Как следует из донесений группы Артема и Марины, в Адмиралтействе уже обеспокоены срывом планов подготовки флота. То запасы леса сгорят, то уже готовый к спуску корабль вдруг прямо на стапеле запылывает. Не считая разных мелочей, вроде подгнившей парусины или некондиционного провианта, обнаруженных уже вдали от берега.

Казалось бы, что могут натворить всего два человека в чужой стране, да еще в такой ограниченный срок? А ведь совсем немало, если подойти к заданию творчески и с выдумкой. Да имея на руках достаточные суммы в звонкой монете. Не говоря уже о таком преимуществе, которое даже в кошмарном сне ни одному королю или министру не приснится – знание событий до того, как они произойдут.

Нед Лудд. Легендарный подмастерье, первым разрушивший свой вязальный станок еще в шестидесятых. На самом деле неизвестно достоверно, жил такой человек на самом деле или это красивая легенда. Но ведь движение луддитов продолжается. Хотя до его пика здесь было еще далеко. Ну, так грамотная агитация, щедро простимулированная «китайским» золотом, способна творить чудеса. И вдруг

ломаются не только ткацкие машины, другие «убийцы ремесла» не менее успешно превращаются в железные и деревянные обломки. Разбегаются овцы, отобравшие землю, когда-то кормившую многих крестьян, а не только лендлордов, как сейчас. Да так разбегаются, что даже на лошадях не догнать, не вернуть на пастбища.

Но это дела заморские, так сказать, хотя они краешком и нас задевают. Давая отсрочку, возможность нарастить «мускулы» зарождающемуся государству, пусть пока и с не совсем понятным статусом. Договор между Испанией и поселенцами от 1791 года давал нам несколько туманные гарантии, особенно по его выполнению. Натаскаем полки – испанцы довольны. Получив готовых инструкторов (ну, это им так кажется, но зачем раскрывать все свои карты заранее?) – могут и помахать нам ручкой.

Именно поэтому все наши планы в их отношении были многослойными. Не только клады с затонувших галеонов «Серебряного флота», но и приманка в виде еще не открытого золотого месторождения в Дакоте. Помощь в обороне Мартиники французским роялистам – тоже аванс на будущее. Обеим странам. Одной – империи, хотя и растерявшей свои позиции, второй – казнившей своего короля, но где еще хватало его сторонников. Тем более что возрождение монархии во Франции, как мы точно знали, совсем не за горами. Даже тот, казалось бы, совсем ненужный разгром эскадры Ванкувера, и то играл нам на руку. Пусть мы вдрызг разру-

гались с сеньором Бодегой!

О, кто бы слышал, как он метал громы и молнии по поводу наших, якобы бесчеловечных, способов ведения войны! Расстрел остатков десанта картечью из тех немногих оставшихся боеспособными малокалиберных пушек, вообще довел Капитана Океана до белого каления. Ведь как раз в это время шлюпки с его трех кораблей, запертых в гавани его же имени, спешили на помощь «утопающим». Почему-то сеньор гуманист не принял во внимание тот факт, что даже остатки англичан превосходили его спасательные партии по численности. Не говоря о том, что они были вооружены и готовы к бою, а на помощь он умудрился послать команды, где только офицеры имели пистолы. И нам совсем не хотелось проверять, как себя поведут обозленные наглы по отношению к таким непрошеным спасителям.

Дело кончилось тем, что мы с легкой душой передали всех оставшихся в живых моряков и морпехов испанцам, на попечение их врачей. Хотя, честно говоря, людей было даже немного жаль. Те инструменты и методы лечения, что практиковались в данное время, особого оптимизма по поводу судьбы раненых не внушали. Но у нас хватало своих пострадавших, Шоно и его персонал, отнюдь не многочисленный, оказались загружены неотложной работой на несколько дней вперед.

Вполне ожидаемый гневный рапорт в Мадрид мы слегка смягчили, составив свой, несколько отличавшийся расстав-

ленными в нем акцентами. Данная бумага составлялась с помощью и при полной поддержке со стороны падре Хосе и капитана Рамиреса, как раз гостившего с очередным визитом в Форте.

Можно лишний раз не повторять, но напомним, что тут снова в нашу пользу играло послезнание. Пусть мы сами и приложили немало усилий, чтобы изменить ход событий. Вроде возрастал риск, что результат окажется совсем не тот, что мы планируем. Но ведь кроме наших поступков существует и такой фактор, как историческая инерция. Чтобы ощутимо изменить ход истории, прикидывали мы с командиром, подобных изменений надо гораздо больше. Иначе муза по имени Клио даже не заметит их. Да и пусть не замечает, если ход событий повернет в нужную нам сторону. Какое нам дело до тех муз и остального мифологического пантеона?

Прошло лето, осенью нас навестил поручик Вельяминов. Только мы отправили его в обратный путь, озадачив по самое не могу, как снова у ворот Форта появился капитан Франсиско-Мария-Карлос-Гонзалво-Долорес-Родригес, доверенное лицо вице-короля. Про себя, памятуя классиков, мы иначе, как «лицо, приближенное к императору», его не называли. Кстати, вот сейчас подумалось. Ведь если все пойдет, как мы задумали, то и две великолепные книги, которыми практически все попаданцы зачитывались в своем времени, просто не появятся на свет! Обидно ведь... Или все-таки другие писатели напишут что-то подобное, пусть и

по другому поводу? Жаль, что ни один из нас, скорее всего не доживет до того момента, когда можно будет проверить такое предположение.

Ну вот, опять меня в сторону увело. Возвращаюсь к визиту знатного идадьго. Только именовать его полным хотя бы именем, без титулов, постараюсь пореже. Иначе места в дневнике не хватит, столько сеньоры напридумывали завитушек к простому позиционированию (вот блин, еще то словечко!) себя в обществе.

К настоящему времени наша служба безопасности, которую я возглавил с подачи Сергеича, совмещала в себе функции сразу всех спецслужб СССР, разве что за налогами пока не приглядывала, и наркотрафик, за неимением такового, не пресекала. А так, почти как у взрослых. Разведка, контрразведка, взаимодействие с пограничной стражей, выявление «засланных казачков» и так далее. В силу жесточайшего дефицита подготовленных кадров приходилось использовать всех, кто хотя бы чуть-чуть подходил к работе. Определенными, пусть и весьма специфичными, навыками, по большому счету обладали, кроме вашего покорного слуги, только шестеро попаданцев. Наш командир, Марина-Котенок, Артем, Котозавр, Андрей-Курбаши и Клим. Мало того, что они в основном были «заточены» под диверсионные операции, хотя Дядя Саша и Марина с успехом могли и противодействовать разным «плохишам», так большинство из этих ребят уже довольно давно постоянно находились вдали

от Форта. Выполняя уже полученные задания. Более-менее в пределах досягаемости были только сам дон Алехандро да Андрей. Хотя его эффективное использование несколько затруднялось пребыванием в теле местного индейца. Что резко снижало возможности успешной работы в Европе, в силу обязательного лишнего внимания к такой экзотической фигуре. Да и тут, в Новом Свете, не в каждый испанский особняк он смог бы войти иначе, кроме как в роли слуги «подай-возьми и выйди вон». Кое-кто обладал определенными способностями и потенциалом, но их необходимо было учить хотя бы азам оперативной работы. Что сразу упиралось в фактор времени. Да и я сам не мог разорваться на множество маленьких Сергеев, чтобы уделить каждому необходимое внимание. Приходилось отправлять на операции откровенных дилетантов, лишь в общих чертах просветив их об элементарных приемах слежки, контрслежки и подучив остальным премудростях в минимальных объемах. Так что особых свершений от группы, скажем, Толи Спесивцева, мы не ждали. Расчет был на то, что противник не более искушен в искусстве тайной войны, чем наши доморощенные агенты, а так хоть в общих чертах мы будем в курсе дел у тех же янки.

Неоценимую помощь оказал падре. После нескольких внешне эффектных предсказаний грядущих событий (вроде даты казни Людовика под номером шестнадцать), он проникся мыслью, что у нас есть связи в самых неожиданных кругах. Которые чуть ли не на задних лапках выполняли

наши указания. Опасный блеф, конечно, но пока он себя оправдывал. Хотя бы в деле отправки Артема с Котенком в Англию нам не пришлось особо ломать голову – куда и к кому их отправить на первых порах. Естественно, после первичного закрепления ребята начали действовать совершенно автономно, используя сеть иезуитов анонимно, через цепочку посредников и «почтовых ящиков». Поездки в будущий Сан-Франциско, в ближайшие городки при католических миссиях позволили мне завести агентов из вполне привычного уголовного контингента. Вполне обычное явление любой спецслужбы и в наше время. Разные служивые люди при богатых сеньорах тоже были не прочь поправить свое материальное положение, сливая инфу о своих хозяевах. Что говорить, если даже небезызвестную сеньору Химену, на первых порах выполнявшую роль дуэньи и гувернантки Лолы-Цинни, удалось завербовать. Хотя и с согласия дона Хосе, который понял, что особых успехов от пожилой женщины в таком замысловатом деле, как выведывание наших секретов, ожидать сложно. Означенная матрона перетащила в Форт свое немалое семейство, которым, оказывается, руководила со сноровкой и хватками пиратского капитана прошлого века. Моментально пристроила мужа-подкаблучника к полезному делу на нашу конюшню, где тот оказался очень к месту. А четверых детей-погодков, от восьми до двенадцати лет, совершенно без возражений отправила в школу. Хорошенько простимулировав обещанием устроить мануальную

терапию нерадивым.

Так, о чем это я снова? Ведь какая неприятная штука, привычка. Тело молодое, мозги работают, как на форсаже, без неприятных последствий. А наследие послепенсионной подработки, не требовавшей полной концентрации внимания на процессе, а наоборот, позволявшей иной раз праздно растекаться мыслью по древу – вот оно, налицо. Ведь начал про визит нашего, не побоюсь этого слова, куратора, из ближайшего окружения здешнего вершителя судеб людских. То бишь, уже поминавшегося выше капитана Рамиреса.

Который, тут уже невольно нужно кое-что объяснить, сам помог раскрыть свой статус, и даже разгадать некую загадку, связанную с его долгим пребыванием в таком не очень высоком звании. Особенно на фоне успешного выполнения миссии, возложенной на него местной администрацией. И тут двух мнений о вкладе капитана в такое сложное мероприятие быть не может. Полки подготовлены, проявили себя с лучшей стороны, особенно Второй. Третий пока особо не блистает, но на общем фоне остальной колониальной армии выглядит вполне достойно.

Поскольку визиты довольно высоких особ в Форт бывали достаточно регулярны, а там чем черт не шутит, вдруг нагрянет сам его величество, то внешние атрибуты таких встреч необходимо было привести в соответствие с местными представлениями об этикете. Ладно, подходящее здание, ценой некоторой ругани с Александром, который весь из себя май-

ор и командир нашего инжбата, построили. Аж в три этажа, со всяческими архитектурными излишествами и прибабками. Правда, о некоторых новшествах, внесенных в проект, будущих гостей мы не уведомляли. Зачем напрягать их бесхитростные души лишними знаниями. От которых, как известно, только лишние печали. Необнаружаемая по нынешним временам качественная прослушка стратегически важных помещений – мечта разведчика. И не очень важно, что пока в гости ожидалась только союзники. За ними тоже приглядывать не мешает.

Штат разной прислуги тоже набрали без проблем, тут падре не поспешил, искал по своим сусекам, роль которых исполнили миссии, цепочкой протянувшиеся вдоль старой Королевской дороги. Но (как без этой частички тут обойтись?!), максимум, с кем он помог – горничные, конюх, разные повара и дворники. Даже садовника наш добрый друг-иезуит разыскал весьма искусственного в разных икебанах. Так ведь гости в этом доме ожидалась непростые, привыкшие к протоколам и разным там церемониям, положенным при встрече и прощании. Необходимы: управляющий, мажордом (что бы это слово ни означало – раньше вот не было у меня повода узнать, что за мажор такой?) и другие слуги рангом повыше заносителя ночного горшка в опочивальню. Самое главное – жизненно важен стал в постоянном наличии под рукой знаток этикета и других придворных реверансов.

Вот тут и помог капитан, разыскав весьма компетентного

человека, но, как оказалось, с неким своеобразным изъясном. Нет, ни в коем случае не порок какой оказался у его протеже. Чиновник отличался весьма своеобразным пониманием долга перед вышестоящим начальством. Раз он оставил прежнее место службы и поступил полностью в наше распоряжение, то все силы, умения, знания и рвение он теперь обратил на идеальное выполнение своих обязанностей. Именно в отношении командования Форта. Сохраняя при этом элементарное чувство порядочности. То есть не сплетничал о прежних работодателях, не распускал слухов и так далее. Если рассказывал что-то о ком-то, то строго придерживался фактов, не ударяясь в собственные комментарии и оценки чужих поступков.

Вот как раз этот, даже не очень пожилой дядечка, и просветил нас, где служит вышеупомянутый капитан.

Оказывается, в Испании, когда она еще владела Испанскими Нидерландами, была традиция – набирать в лейб-гвардию короля жителей Валлона, тамошней провинции. Аж по четыре тысячи рекрутов. Часть эта так и называлась – Валлонская гвардия. Офицерами в ней служили самые родовитые, а главное, умные и способные, идальго. Задачи, которые решали гвардейцы, были сродни таковым у нашего ОМОНа, спецназа ВВ и Девятого главного управления, в одном, так сказать, флаконе. Как оказалось, кроме валлонцев, солдат туда набирали и среди швейцарцев, немцев и даже русских. Хотя, как уже говорил, офицерами были, в подавляющем

большинстве, испанцы. Существовала часть аж с 1702 года. И даже сейчас, несмотря на отделение нидерландских провинций от Испании, Валлония продолжала ежегодно присылать новобранцев, пусть и в гораздо меньшем количестве.

Теперь роль капитана Родригеса становилась гораздо понятнее. Как и долгое пребывание не в самом высоком чине.

Цель визита наших кураторов оказалась более чем серьезной. С подачи вице-короля в Мадриде решили пригласить для беседы (или, как это называется, «в кругах, приближенных к императору»?) сеньора полковника, и нескольких его сподвижников. Проявивших себя с лучшей стороны в деле подготовки полков нового строя. Да еще с намерением предложить, судя по всему, в такой форме, что отказать будет невозможно, быстро подготовить гораздо большее подразделение. Совершенно необычной структуры для испанской армии того времени. Если верить одному из основоположников научного коммунизма, а причин не доверять Энгельсу вроде нет, даже в середине следующего века крупнейшей тактической единицей большинства армий мира оставался полк. А здесь кто-то замахнулся сразу на дивизию! Решили с соседей-французов пример взять? Интересно, кто такой шибко умный нашелся, да еще такой влиятельный, что смог продавить подобное предложение? Просто какой-то военный гений местного разлива.

В ходе разговора гости сообщили, что Мадрид очень обеспокоен планами Англии прибрать к рукам оставшиеся – по

сути, без должного пригляда – французские колонии в Карибском бассейне. Остров Тобаго уже захвачен англичанами, неудачная попытка захвата Мартиники в прошлом году не остудила горячие головы в Адмиралтействе. Был отдан приказ отправить на усиление колониальной эскадры флот под командованием адмирала Джарвиса. Только необъяснимые происшествия на верфях, где сторели большие запасы корабельного леса, трудности с вербовкой команд не позволили выступить адмиралу уже в этом году.

Ну да, так уж и «необъяснимые». Три раза ха-ха. Марина с Артемом времени даром не теряют. Но знать об этом испанцам пока рано. Пусть благодарят провидение или кому там у них принято ставить свечки в подобных случаях.

Новые быстроходные корабли, уже заложенные в Гаване, войска, подготовленные по нашей методике – вот ключ к разрешению многих проблем, которые так беспокоят испанское правительство. Таково мнение инициаторов нашего визита в метрополию. Их можно понять. Загрести жар чужими руками, почти даром, не залезая в казну, которая не может похвалиться особыми запасами – не только наглы умеют искать кандидатов таскать каштаны из огня вместо себя.

В качестве одного из пряников нам предлагают в полную и безраздельную собственность любой остров, принадлежащий Испании в Средиземном море.

Ага.

Как же.

Мы так и разбежались хватать этот чемодан без ручки!

Вот намечающуюся «раздачу слонов» в виде чинов и титулов вполне приветствуем. Укрепить свой статус в касто-во-сословном обществе – оно никогда лишним не будет.

План операции «Поход за зипунами», как, особо не напрягая мозги и плюнув на явный плагиат, назвали экспедицию, разработали в кратчайшие сроки. Не уверен, что штаб какой-либо армии в будущем сможет похвалиться такой оперативностью. Уложились в четыре дня. Очень помогла налаженная телеграфная связь с «Ломоносовым». Прискакавший Евгений поворчал для приличия, но, узнав, что самая спешка намечается на весну и начало лета будущего года, согласился скорректировать свои планы под новые задачи. Выбор состава «посольства» тоже не вызвал затруднений – уж очень мало оказалось свободных кандидатур. Все или были заняты по самую маковку, или не подходили по «ТТХ», или уже обретались в дальних краях. Командиру даже не пришлось давить своим авторитетом или использовать административный ресурс в его привычном исполнении чиновника времен «развитого застоя». Типа – мы тут посоветовались, и я решил.

Сеньор полковник. Без него организовать подготовку дивизии (!) вообще ни у кого не получится. В мало-мальски приемлемые сроки. Когда и как доставать один из наших козырей, спрятанных в рукав, а именно наличие средств и способов затянуть подготовку эскадры Джарвиса, это он должен

будет решать на месте.

Князь Кулькин, он же сеньор командир инженерного батальона. Без хорошей саперной поддержки одержать победу с малыми потерями, да еще силами сколоченной ускоренными темпами воинской части, сами понимаете, из области ненаучной фантастики.

Большим сюрпризом для падре оказалось включение в состав делегации его племянницы. Он до сих пор пребывал в некотором перманентном удивлении, пытаясь понять, как она так быстро и удачно вписалась в наш коллектив. И почему мы допускаем ее на самые секретные совещания, не опасаясь утечки информации. Пусть и в его руки, вроде как по-родственному. Хотя аргументов с нашей стороны о причинах такого выбора ему оказалось достаточно. Девушка из хорошей семьи, имеющая приличное воспитание, образование. И какие-то дальние родственники, не совсем заштатные идалго, в Испании имелись в наличии. То есть для окружения короля статус сеньориты Долорес-Цинни был вполне понятен. Предполагаемая фаворитка одного из мужчин, с дальним прицелом возобновить связи в обществе – особых опасений, как конкурентка уже сложившимся группировкам при дворе, не представляет. А вот послужить лишним рычагом для давления на наших кабальеро, возникни в этом необходимость – почему бы и нет. Тот факт, что желающего затеять подобную авантюру в нашем отношении ждет неприятный сюрприз, опять никто раньше времени афишировать

не собирался.

Котозавр, отправивший свою дражайшую половину в Форт еще прошлой осенью, дабы она смогла нормально родить ожидавшегося наследника, обитал сейчас в Гаване. В полной готовности присоединиться к любому предприятию. Хоть в одиночку, хоть в сопровождении своих Бойцовых Котов.

Сводная рота, собранная из лучших офицеров, сержантов и солдат Первого полка, должна исполнять роль инструкторской группы, была сформирована к утру пятого дня. Как и два взвода из инжбата, который остался под командованием заместителя Александра. Того самого индейца-полиглота, служившего вечным укором своему командиру. Так и не достигшего заметных успехов не только в конной подготовке, но и в овладении языками. Хотя, по сравнению с первым годом нашего пребывания здесь, его испанский был все же достаточно понятен для окружающих.

Для решения текущих боевых задач в Калифорнии оставался один из егерских батальонов Первого полка, с приданной ему в качестве усиления ротой спецназа. Которой командовала та самая ученица Котенка – лейтенант Мария дел Ампаро. Что не могло не радовать лично меня. Но об этом можно будет рассказать и попозже. Второй егерский начал готовиться к передислокации на Мартинику, что требовало и некоторой дипломатической переписки. Которую брали на себя дон Хосе и капитан, заверившие нас, что пары месяцев

на утряску деликатных моментов им вполне хватит.

Вернувшись к месту своей дислокации части Второго полка, во главе с полковником Маноло, занимались, в основном, натаскиванием Третьего колониального полка Его католического величества. Тут уже испанцы вполне могли обойтись без нашей помощи. Свою часть договора от 1971 года мы могли считать полностью выполненной.

Так что к началу декабря в Форте и «Ломоносове» стало на трех попаданцев меньше. Кое-кому в очередной раз пришлось работать не только за себя, но и «за того парня». Не привыкать, в общем-то. Но и не особо радуется. Единственным светлым пятнышком на фоне всех этих забот у меня оставался намечавшийся визит в роту СпН. Но пока умерьте свое любопытство, в свои личные дела я не очень-то намерен посвящать посторонних. Лучше почитайте о событиях этого и приближающегося 1794 года от лица Евгения, который Динго...

Осень 1793 года

Калифорния

Динго

Работа над этим проектом у нас шла давно. Если первые две паровые машины, с грехом пополам, запустили, то потом в этой области машиностроения наступил вынужденный перерыв. Дело в том, что все расчеты машин мы вели исходя из давления пара шесть – десять атмосфер. Однако создать та-

кой котел пока не удалось. Имеющиеся материалы позволили соорудить простейшую огнетрубную конструкцию, дающую максимум две атмосферы, да и то благодаря пароперегревателю. А сейчас появилась сталь приличного качества, позволяющая поднять давление вдвое, не увеличивая веса конструкции. Первый пробный паровик мощностью аж в две с половиной расчетные «лошади» мы поставили на самый большой из имевшихся у нас баркасов. Получился простенький паровой буксир, который использовали для проводки судов к причалам в бухте Бодега.

Еще одна посудина, раза в два меньшего размера, обзавелась двигателем Стирлинга. Такой агрегат мы изначально построили, как говорится, из спортивного интереса, но, установленный с принудительным водяным охлаждением на шлюпку, он неожиданно выдал больше полутора «лошадей» и занял в несколько раз меньше места, чем паровик. Если не считать периодической замены уплотнений, «стирлинг» оказался ничуть не хуже паровой машины. А вот в сухопутном варианте паровой транспорт не получился. Тянуть-то он тянул, но львиная доля перевозимого груза приходилась на топливо. А на «коммерческую нагрузку» оставалась пароконная телега, максимум две. Смысла в таком транспорте не было. В прочем, я об этом предупреждал с самого начала. В итоге был построен приличных размеров локомобиль с четырехсильной машиной, который, конечно, мог передвигаться и своим ходом, таща за собой телегу с углем, однако

скорость и, что самое главное, дальность пробега, оставляли желать лучшего. Поэтому режим самостоятельного передвижения был оставлен только для доставки локомотива на место работ, а как транспортное средство его не использовали. Зато на его базе был создан компрессор, обеспечивающий воздухом пару отбойных молотков и насос для откачки (или закачки, смотря что требовалось) воды. Чуть позже появился и бульдозер, способный не торопясь, но все-таки быстрее, чем рабочие с лопатами, выравнивать полотно будущей дороги недалеко от заранее подготовленной кучи угля. Эта машина была встречена людьми Империалиста на «ура». Забегая вперед, скажу, что до конца года мы сделали еще два паровика, потихоньку отрабатывая и совершенствуя конструкцию, в дальнейшем такие машины строились в значительных количествах, частенько объединенные еще и с генератором, как мобильная электростанция.

Осень 1793 года

Долина «Дакота»

«Цок-цок-цок» – стелется под копыта коня пыльная дорога. В который раз уже мотаюсь туда-сюда, из форта «Ломоносов» в долину, где мы нашли упавший «Дуглас». За последние месяцы я наездил на лошади больше, чем за всю свою предыдущую жизнь.

Еще весной, во время визита Дяди Саши в «Ломоносов», у нас состоялся интересный разговор. Собственно, встреча

была посвящена обычному рутинному отчету, но в конце ее всплыла тема «Дугласа».

– Да, напоминаю, что самолет в той долине так и стоит. Вы вообще его вытаскивать собираетесь? – поинтересовался Сергеич.

– Думал я на эту тему. По большому счету, на данный момент на хрен он не нужен. Хотя отправить туда экспедицию и ободрать его по полной не мешало бы. Собственно кое-что с него уже скрутили, воздушную арматуру, к примеру. Меня другая мысль давно гложет. Что у нас здесь планировалось?

– Где здесь? В «Ломоносове»?

– Ага.

– Научно-технический центр.

– А что получилось? Посмотри вокруг. Это не научно-технический, а многофункциональный производственный комплекс практически полного цикла. Об обороне этой территории я уже не знаю что и думать. Частокол и «колючка» вокруг, это так, от волков да мелких бандитов. Сколько он против десанта продержится, если события девяностого года повторятся? Нет, конечно, народ стянуть в сам форт и закрыться можно, оттуда нас выкуривать заколебаются, но весь тяжпром нам вынесут, к гадалке не ходи.

– И что ты предлагаешь?

– Элементарно, Ватсон. То, что мне рассказали про эту долинку с самолетом, заставляет ее считать чуть ли не идеальным местом для обороны. Конечно, нужна более подроб-

ная разведка, но дальнейшее развитие производства здесь я считаю просто опасным.

– Но туда двести километров!

– И что? Ты прикинь, неприятелю надо еще пройти эти километры. А потом преодолеть пятикилометровый аппендикс, в котором десяток пулеметных дотов способны остановить любую армию, которую могут сюда притащить наши недруги. Речка там есть, древесина тоже. Оловянную и медную руды возить с копеей что сюда, что туда, разницы никакой. В общем, подумайте, господа начальники, над этой идеей.

– Хорошо, подумаем, – кивнул Сергеич. – А ты пока смотайся туда, посмотри, что и как, прикинь. Как тебе такая идея? Конвой и сопровождение мы обеспечим.

Соглашаюсь:

– Почему бы и нет.

– Тогда где-то через неделю готовься.

Так я в первый раз и оказался в долине, которую местные жители называли Долиной Грома. Место оказалось действительно красивым. Удобным в плане проживания, не говоря про оборону. Можно было сразу строить отдельные дома, места хватало для производственных корпусов, и для огородов получалось нарезать участки.

Долина представляла собой треугольник с неровными сторонами и довольно острой вершиной, плавно переходящей в пятиметровый извилистый каньон с небольшой, но

быстрой и бурной речкой. Две скальные гряды высотой до двух сотен метров плавно расходились, охватывая долину с двух сторон и постепенно понижались, превращаясь в лесистые склоны километрах в двадцати от входа. Пространство не было замкнутым, основанием треугольника как таковым являлся труднопроходимый лесной массив. По крайней мере, если мы не вырубим его весь, то опасности непрошеного визита с этой стороны можно не бояться. Впрочем, леса хватает и по самой долине.

Река протекала ближе к правой стороне треугольника, если стоять в долине лицом к выходу. Собственно говоря, первый мой визит сюда имел целью найти место для строительства плотины под будущую ГЭС. Мы решили сразу забыть громоздкие приводы, работающие от водяных колес. Генераторы сделаем, движки тоже, так что все получится намного проще и удобнее. Место для электростанции нашлось примерно километрах в пяти от дальнего края долины. Река здесь промыла довольно глубокое и порожистое русло, которое можно было сравнительно легко перекрыть. Да и небольшой, метра три, водопад явно просился в дело. Если перегородить здесь реку, перепад высоты составит не меньше десяти метров, что вполне приемлемо. Конечно, наша ГЭС ничем не напоминала аналогичные станции образца двадцатого века. Никаких турбин в вертикальных колодцах не предполагалось. Генераторы должны были вращаться от все тех же водяных колес, но даже это было колоссальным скачком

вперед.

Правда, при возвращении меня ждал большой облом. Или сюрприз. В общем, огорошил меня Дядя Саша на славу, пыльным мешком по кумполу.

– Мы тут посовещались, прикинули, – объявил он, – и решили, что переносить производство туда не будем...

– Как не будем?! – попытался перебить я.

– Ты дослушай сначала, – одернул меня Сергеич. – Долина-то закрытая. Поставь там металлургию и сдохнешь нафиг. Задохнешься просто.

– Вот блин!.. – хватаюсь за голову. – Этого я и не учел.

– Не отчаивайся ты так. Тут Зубрилка раньше предлагал другой вариант. Решили использовать идею. В той долине разместится наша «академия наук» вместе со школой. Собственно говоря, и университет будем со временем организовывать тоже там. Ну и опытно-конструкторское бюро твоё переведем. Империалист туда в ближайшее время отправляет треть своего инжбата, готовить место. Ты чего-нибудь там картографировать не пытался?

– Ну, так, кроки снимал, – раскладываю по столу свои наброски. – Место для электростанции присмотрел, а остальное надо прикидывать заново. Я больше о расположении производственных корпусов думал.

– Нормально получилось... – посмотрел мои бумажки Сергеич. – Знаешь что, сходи-ка ты к Империалисту, он тоже что-то там прикидывал. Вместе покумекайте, потом можно

будет и остальной народ подключить если что.

Так началась наша «стройка века». Увы, как всегда, все уперлось в нехватку рабочих рук. Инженерный батальон Кулькина спешно достраивал дорогу, оставалось еще несколько километров. Параллельно с ней сразу ставились столбы для телеграфной, а на перспективу и телефонной линии. Увы, пока мы могли обеспечить голосовую связь километров только на тридцать-сорок. Дальше нужно было ставить усилители, которых у нас еще в принципе не было. То радиооборудование, что снимали с «Дакоты» и было в загашниках от раздракования автобуса, срочно модифицировали. Необходима была дальняя быстрая связь с разведчиками в Англии. Но это совсем отдельный разговор. Так что обмен информацией между Долиной и обоими фортами придется вести телеграфом – там же двести километров с хвостиком. В последнее время работа инжбата значительно ускорилась – построенный совместными усилиями паровой бульдозер позволил высвободить часть людей на плотину и мост через реку Дуглас, как называли ее в честь самолета. Впрочем, название «Долина Дакота» тоже пошло от него.

Собственно от самолета уже мало что осталось. Несколько экспедиций на телегах вывезли все мало-мальски ценное, что удалось с него снять. Сначала выпотрошили всю аппаратуру сжатого воздуха, компрессоры, баллоны, трубопроводы. Потом настал черед электрики. Параллельно ободрали все алюминиевые листы обшивки. Вывезли двигатели и,

в последнюю очередь, сняли колеса вместе со стойками. Вырезали даже отдельные куски поперечного и продольного набора с крыльев и фюзеляжа. На месте посадки остался только «скелет», да и то состоящий из нескольких частей.

Так что к строительству плотины приступили параллельно с подробной разведкой долины. Бегло ее исследовали еще раньше, но теперь надо было тщательно изучить местность, чтобы прикинуть будущую планировку поселения. Куда поставить лаборатории и производственные корпуса, в каком месте строить жилые дома и где распахать участки под поля и огороды. В этот рейд меня сопровождали не только Антилопа и взвод охраны под командованием Волчьего Хвоста. С нами также напросились и дети, Поль, который уже незаметно превратился в Пашку, и Анна, с чьей-то легкой руки переименованную в Анку. В принципе, вояж обещал быть относительно безопасным, так что я не возражал. Тем более, летом в школе получалось нечто вроде каникул, совмещенных с практикой. А в закрытой долине детям вряд ли могло угрожать что-то кроме обычных опасностей этих мест. Самые страшные хищники – двуногие – там не появлялись, для местных индейцев долина была табу. Кстати, перед началом работ мы, дабы избежать возможных осложнений, выяснили, из-за чего чемеуэви наложили запрет на посещение долины. Оказалось, что несколько десятков лет назад там из-за оползня погиб большой род этого племени. В живых осталось с десяток человек, среди них шаман, тогда считавший-

ся самым могучим у чемеуэви. Вот он и наложил проклятие на эту долину. На нас, как чужаков, проклятие не действовало. Сами индейцы не возражали против нашего поселения там. Так что ехали мы довольно большой группой, тридцать с лишним человек. Поскольку в долине уже было больше двух десятков инжбатовцев вместе с охраной, не считая нескольких индианок, выступавших за хозчасть, то набиралась весьма серьезная сила по местным меркам, что в известной мере гарантировало от различных неприятностей.

Первым, что мы увидели, преодолев последний участок пути – а несколько километров дороги только достраивались – и въезжая в каньон, оказался вполне солидный дот, в пятистах метрах за поворотом. Укрепление на десяток стрелков было сложено из валунов и перекрыто бревнами в два наката. Второй подобный опорный пункт располагался чуть дальше на скальном уступе, на высоте метров тридцати. Сейчас в нижнем находились только двое часовых-нуму с винтовками, еще один засел в верхнем. А если учесть, что проход был грамотно перекрыт валунами и рогатками с колючей проволокой, то даже в таком составе бойцы могли продержаться до прибытия подмоги. Ведь под прицелом требовалось держать только сравнительно узкий участок дороги. Кстати, еще дальше, на самом верху гребня намечено возвести еще одно укрепление и, подозреваю, на другой стороне каньона тоже что-то планировалось. Пулемет, который везли в обозе, уже третий из сделанных нами, предполагалось

установить именно во втором доте. И дальше комплектовать укрепленные позиции автоматическим оружием по мере его готовности.

Двигаясь по долине, мы слегка расслабились, место было спокойным, крупные хищники давно не появлялись. Некоторое время назад, еще до начала работ, здесь подстрелили медведя-барибала и нескольких волков, но развернувшаяся бурная деятельность распугала зверье. Так что до места отряд добрался без приключений. Ядро будущего промышленного городка составляли барак инжбатовцев, домик для начальства, он же штаб, навес кухни-столовой и палатки нуму. Индейцы, по крайней мере в теплое время года, предпочитали обитать на свежем воздухе. Чуть в стороне просматривались печи для обжига кирпича и лесопилка с приводом от водяной мельницы.

На въезде в лагерь нас встретил сеньор майор инженерных войск собственной персоной. Проект плотины был его детищем, так что и руководство стройкой было возложено на автора. Нашим размещением занимался тоже он. Оказывается, для всех заранее было подготовлено место. В начальственном домике оказалось четыре комнаты, не считая общего зала, который выполнял роль штабного помещения. Две из них занимали Александр с заместителем, еще по одной отвели нам с Антилопой и детям. После того как мы бросили вещи в комнатах, нам предложили слегка перекусить, пока топится баня. Помыться после пятидневной дороги было очень кста-

ти. А после бани ожидался полноценный ужин. С завтрашнего же дня следовало плотно приступить к работе.

Наутро, после завтрака, наша группа разделилась на два отряда. Антилопа с Анкой и отделением нуму отправилась вдоль левого берега реки. В их задачу входило дойти до леса, каждые триста-пятьсот метров останавливаясь и нанося на карту ориентиры. Мы с Пашкой и еще одним отделением переправились через реку и отправились исследовать правобережную часть долины, которая выглядела значительно меньшей, но оставалась практически не разведанной. На этот день планировали исследовать местность в сторону каньона, благо этот участок был сравнительно узким, и у самого выхода становился непроходимым.

Действовали следующим образом. Через каждые полкилометра я находил удобное для обзора место, спешил, доставал оптический дальномер с полуметровой базой, а несколько таких приборов мы сделали в нашей метрологической лаборатории, – компас и планшет. И рисовал карту, измеряя расстояния до наиболее приметных ориентиров. Пашка поначалу пытался помогать мне, но девятилетнему мальчишке однообразная работа быстро наскучила, и он занялся исследованием окрестностей. Естественно, что я запретил ему удаляться за пределы видимости и попросил индейцев присмотреть за парнем.

Однако, когда я на очередной остановке заканчивал чертить карту, со стороны деревьев раздались выстрелы, мы

вместе с нуму бросились туда. Оказывается, Пашка стрелял по выскочившему на него из зарослей волку. Мальчишка слегка растерялся, но сумел справиться с собой и встретить его картечью. У обоих детей были специально сделанные облегченные версии ружья ДБ под шестнадцатый калибр с уменьшенным, но вполне серьезным зарядом. А частые тренировки на стрельбище сделали свое дело. Так что Плавник Лосося, который за парнем приглядывал и незаметно страховал, держа зверя на мушке, уже успел подойти к мальчику и похвалить. Уж не знаю почему, но жест с большим пальцем стал среди обитателей фортов всех национальностей поистине международным.

– Па, смотри, какого волка я подстрелил! – обрадованно продемонстрировал мне добычу Пашка. – Он на меня как выскочит, я его и убил.

– Молодец! А ружье перезарядил?

– Конечно. И гильзу подобрал, как ты учил.

– Хорошо, Тогда курок спусти, чтоб пружина не садилась.

Помнишь, как это делать?

Да, все-таки мы не зря очень много внимания уделяем правилам безопасного обращения с оружием. Курбаши вбивает их детям на уровне инстинктов. Пашка все сделал правильно, не задумываясь.

– Молодец. А теперь Плавник Лосося покажет, как снимать с волка шкуру, – я улыбнулся и подмигнул индейцу. – В жизни пригодится.

Даже уж если мы, выходя из двадцать первого столетия, смогли нормально адаптироваться к столь неаппетитным процедурам, то что говорить про аборигенов этого времени, которые на такие дела смотрели значительно проще и спокойнее.

Не дожидаясь окончания процесса, двинулись дальше, оставив в поддержку Плавнику Лосося еще одного индейца. Догнали они нас уже на следующей остановке. Позади седла Пашкиной лошади была приторочена свежеснятая волчья шкура, из-за чего коняшка нервничала, периодически косилась назад и всхрапывала. Так мы и двигались до полудня, когда, найдя удобное для стоянки место на берегу реки, устроили привал и перерыв на обед. Вторая половина дня прошла без приключений. Когда пришла пора возвращаться в лагерь, выяснилось, что проехали мы, по большому счету, не так и много, исследовав участок километров шесть-семь вдоль реки, правда, на всю его ширину. Кстати, места были очень перспективные в плане огородничества: сравнительно немного камней и весьма плодородная почва, судя по буйству разнотравья.

Следующие дни прошли без каких-либо приключений. Однако богатство животного мира долины не осталось незамеченным. Несколько раз видели рысей, проезжая по окраинам леса. Встречались также лисы, зайцы, даже однажды заметили опоссума, объехав его подальше. Ни разу индейцы не возвращались в лагерь без добычи. Олени, дикие бараны и

свиньи постоянно разнообразили наш стол. Основная часть работы по картографированию долины заняла две недели. Несмотря на то, что трудились мы целыми днями без перерыва, это было практически отдыхом по сравнению с сидением в лабораториях и мастерских днями и ночами. Не зря же говорят насчет смены деятельности. Еще несколько дней провели в штабе, сводя результаты съемки в подробную карту долины и размещения на ней будущих объектов.

После того как будут закончены плотина и дорога, строители приступят к возведению жилых домов. Здесь решили не тесниться, а выделить один из участков долины под поселок с нормальными индивидуальными домами и участками соток по десять. Собственно, на этом миссия по исследованию долины пока была закончена и нам предстояло возвращаться домой в «Ломоносов», там меня дожидались куча как незаконченных проектов, так и новых задач.

Середина ноября 1793 года

Динго

В форте «Ломоносов» меня ожидала записка от Дяди Саши с требованием прибыть в «Вихри» для очень важного совещания. Ну, что ж, с корабля на бал. Поскольку вернулись вечером, то хоть не надо было хватать свежую лошадь и скакать туда. Можно было нормально вымыться, передохнуть и отправиться «на ковер» следующим утром. Всю дорогу до столичного форта я пытался сообразить, что послужило при-

чиной вызова к начальству, вроде особых косяков последнее время не допускал. Оказалось, что тема совещания была ни в коей мере не ругательной. В весьма узком кругу обсуждался очень тонкий вопрос. Вопрос денег. Мы, попаданцы, как-то об этом не задумывались, но в последнее время количество вольнонаемного народа возросло настолько, что с оплатой их труда надо было что-то решать. Конечно, самым простым было штамповать испанские песо из местного золота, но тем самым мы рисковали в один момент нарваться на крупные неприятности, раздавая их направо и налево. Как-никак репутация фальшивомонетчиков нам была ни к чему. В то же время требовалась какая-то валюта для внутренних расчетов. А продолжать до бесконечности чеканить «квадратные китайские монеты с дырочкой» тоже было нельзя. Кстати, что за иероглифы мы на них изобразили, толком не знал никто. Просто нашлась инструкция от какого-то мобильника на нескольких языках, оттуда и перерисовали строчку-другую. Не исключаю, что на наших монетах было написано что-то вроде «Nokia – connection people» по-китайски.

После недолгих споров остановились на названии реал, золотым содержанием которого приняли одну десятую грамма золота. Разменную монету обозвали сентаво, соответственно составлявшую одну сотую реала. Оказывается, уже довольно длительное время велась работа по учету, так скажем, трудового вклада каждого обитателя обоих фортов. Фактически, не афишируя это дело, функционировало некое

подобие банка. Теперь мне предстояло решить задачу по изготовлению индивидуальных расчетных книжек с достаточно надежной защитой от подделок. А следом должны были появиться и денежные купюры. Впрочем, особой сложности для нашей типографии это не представляло. Я примерно знал, как надо модифицировать оборудование для производства бумаги, чтоб появились водяные знаки и защитные нити. А печать в несколько цветов нам была уже вполне по силам. Дизайн купюр набросали наши девушки. Чем-то банкноты напоминали и ранние доллары, и советские червонцы двадцатых годов. Лицевая сторона серая, изнаночная зеленая. Серийный номер купюры и факсимиле Дяди Саши – темно-бордовые. Ну и еще пара мелких хитростей, которые, не зная, и не повторишь. Самое сложное было изготовить клише, но тут нашелся человек из подчиненных Кобры, который неплохо владел гравировкой по меди. Собственно, моя задача – обеспечить печатный станок и бумагу, а заниматься всем остальным будут другие люди. Сроки, правда, ставились жесткие – месяц, но, поскольку наработки есть, вполне реальные. Так что вскоре у нас должны были появиться и свои нормальные деньги.

Глава 2. Финансы поют романсы

«Целая армия Калигул не сможет просрать столько, сколько одна бюджетная программа поддержки фондового рынка и банковской ликвидности».

Розов. Меганезия-2

Ноябрь 1793 года

Калифорния

Из дневника Сергея Акимова

Угу. Появятся нормальные деньги. Аж два раза, с разбегу... Мало того, что «нормальные» они достаточно условно, только для нас, живущих на территории – опять же, условной – Калифорнийской Директории. Пока нет признания нас как государства, имеющего право чеканить свою монету, любой способен объявить нас фальшивомонетчиками. И будет прав. Давно уже настала пора упорядочить наши финансово-экономические дела. Оба попаданца, имевших подходящее образование и даже некоторый опыт практической работы в данной области, два Сергея – Лорд и Сет Север, что-то не спешили предоставить свои рекомендации. Пора им получать свои заслуженные пилюли, не только личную жизнь устраивать да заезжих шаманов убивать из синтезатора...

Назначил совещание, определил состав участников. Раскопал свои записи, которые давно ждали подходящего мо-

мента. Добавил к ним выписки из той шпаргалки, что составил для меня Зубрилка перед своим отъездом обратно в Вашингтон.

И вот одним не по-осеннему теплым утром в моем кабинете собрались люди, которых я собирался озадачить вопросами нашего финансового благополучия.

Представительная компания набралась.

Экономисты, а Север еще Ирину, жену свою, прихватил как неизменного секретаря таких совещаний. Заехавший на пару дней из «Ломоносова» Евгений Динго, которого мы и по фамилии забыли когда называли. Ему тоже полезно знать, на какие шиши делаются те девайсы, что он у себя в цехах производит. Да как они реализуются, с прибылью или в убыток нашей казне. Как мой потенциальный союзник в предстоящих спорах рядом сидит Лола-Цинни. Экономика без идеологической базы слишком легко становится инструментом выкачивания последних соков из действительно что-то производящих. Идеальной кормушкой для чиновников и кучи присосавшихся к денежному потоку «эффективных менеджеров». Вот она и должна бдить в этом направлении.

Дискуссия о финансовом устройстве Директории началась бурно. Никто из участников не был крутым финансистом, а потому и не обладал в обсуждаемых вопросах непрекаемым авторитетом. Даже найдись такой авторитет – сама обсуждаемая проблема была на редкость нетривиальной, чтобы можно было надеяться сразу получить законченное и

компетентное заключение.

Сверяясь со своей тетрадкой, обвожу всех собравшихся пристальным и даже суровым взглядом, делаю вступительное заявление.

– Начну с того, что пора бы нам уже определиться с экономическим устройством нашей Директории. Дальше уже решать эти вопросы по принципу «абы как» или «куда кривая вывезет» не годится. Надо выстраивать какую-то определенную систему экономических отношений и внутри нашего плацдарма, и с внешним миром.

– Начнем с азов, с пятнадцатого мая девяностого года. Что у нас было, кроме вещей, оказавшихся с собой? Никаких местных реальных денег, само собой. Но вот на шхуне нашли капитанский сундучок. Что-то там звенело. На несколько дней какую-то еду в той же миссии купить можно. Разжились шанцевым инструментом и стройматериалами, которые на этой шхуне были. При постройке Форта все эти ништяки дали нам хорошую фору.

С доном Хосе за работников мы расплатились золотом, конфискованным у англичан. Фактически срубили бабло грабежом. После «наших» лихих девяностых будущего двадцатого века этим не испугать и не пристыдить. Тем более что они сами нарвались. До весны девяносто первого военный коммунизм и натуральный обмен в полный рост. Ну, в тех условиях иначе никак нельзя было.

Собравшиеся загудели сразу в несколько голосов:

– Что ты нам все это рассказываешь, как будто мы этого не знаем! Вместе же через все это проходили!

Не обращая внимания на реплики, продолжаю.

– Затем пришли испанцы, захотели обучать своих военных. За это положено платить. Тем не менее, тогда свободных денег у нас не появилось, так как передоговорились на вдвое большее количество солдат и обеспечивающих работников. По идее – вышло то на то. Но к этому времени появился небольшой приток золота с прииска. И там формируется закрытый поселок, который будет долгое время специализироваться только на добыче золота. Значит, материальная основа для своих денег у нас уже есть.

Однако, прежде чем монету чеканить и пускать в оборот, надо бы определиться с принципиальными основаниями нашего экономического устройства. И устаканить правомочность монетного двора, в глазах тех же испанцев.

Динго тут же влез со своими предложениями:

– Соображения простые. Землю, воду, недра объявить общественной собственностью. Ввести госмонополию на некоторые виды товаров, причем эти виды зафиксировать сразу и жестко, чтобы потом не метаться, то расширяя, то сужая круг этих товаров. Обеспечить изъятие природной ренты. Сохранять жесткий контроль над денежным обращением и кредитом. Пресекать любые попытки монополизации каких-либо сфер хозяйства со стороны частных. В остальном – свобода приложения своего труда и предпринимательской дея-

тельности. Причем основную налоговую базу формировать за счет изъятия ренты и реализации госмонопольных товаров. С остальных сфер деятельности налоги либо не брать, либо брать по минимуму.

Тут он на минуту задумался, почесал затылок и пробормотал:

– А вот как быть с теми, кому Дядя Саша пообещал землю? Дать им наследуемое право аренды? – затем встрепенулся и энергично зататорил:

– Точно! Так и сделаем! С арендой вообще все можно сделать очень просто. Кто хочет работать на земле, тот платит ренту в виде арендной платы, получает участок в пожизненное пользование с правом передачи по наследству, но земля при этом государственная или общинная. Главное при этом, чтобы стороны жестко придерживались этого соглашения. Вплоть до того, что вешать чинуш за попытки пересмотра аренды и ее условий, в любом случае, если есть хоть малейший намек на преференции в пользу какого-то постороннего частного лица.

А вот с обещанием земли в собственность – тут надо стоять насмерть. Здесь только начать, и на выходе будут ленд-лорды, со всеми вытекающими. Причем даже быстрее, чем вы можете предполагать.

Цинни тут же его поддержала.

– Никакой частной собственности на землю у нас не будет. Допустима только аренда для нужд сельского хозяйства

и для строительства предприятий. Но и в этих случаях необходимость такой аренды каждый раз должна получить одобрение у руководства Форта.

Евгений снова вмешался.

– Главное, чтобы не вышло так, что одни будут деньги зарабатывать, а другие делить.

Теперь я беру слово.

– Такого у нас ни в коем случае не будет. Не дадим! Даже если разрешим банк организовать, то банкиры (на нашей территории, естественно) – рулят только своим банком, никаких рычагов давления на политические и социальные явления в Директории они иметь не будут. Хочется заняться политикой – уходи из банка. А уж проследить, чтобы не потянулись ниточки к старому теплему месту, это мы сможем, – улыбаюсь.

Командир меня не раз по этому поводу подкалывал, когда мы с ним вели подобные разговоры наедине.

«Если бы потенциальные претенденты на открытие банка могли увидеть твой оскал, то они семью семь раз подумали бы, – стоит ли вообще вылезать с этой идеей?»

– Да и сомневаюсь, что кто-то сможет открыть какой-то банк у нас, кроме нашего, с подобранным нами персоналом, – добавляю. – Кроме того, ни одна акция наших предприятий на биржу не попадет, пусть хоть что нам указывают.

Динго однако поспешил с последним утверждением не согласиться.

– Идти против экономических законов бессмысленно. Ведь отменить мировой рынок ценных бумаг (какой бы он ни был в это время) мы не можем. Так что с волками жить – по-волчьи выть...

Здесь в перепалку, наконец, влезает один из экономистов – Сет Север.

– А вот не соглашусь! Мое предложение: внутри нашего сообщества – только паи, как в рабочем кооперативе, без права перепродажи. Наличие пая определяется трудовым вкладом. И индейцам такая полуобщинная система будет понятнее: мы тут работаем, мы этим совместно и владеем (по аналогии: мы тут живем, на этой земле совместно и охотимся). Охрана, медицинские работники, учителя и т. д. – также получают паи от предприятий, работников которых они так или иначе обслуживают. А лучше выделять им паи от Директории, чтобы не было проблем с богатыми и не очень богатыми предприятиями, чтобы они не перетягивали к себе персонал из сферы обслуживания и т. д.

Для привлечения же внешнего финансирования – только облигации. И пусть ими спекулируют на любых биржах сколько угодно. Главное, иметь строгое планирование выплат по своим обязательствам, установить жесткую квоту в бюджете, чтобы не взвалить на себя слишком много, а на то, какой оборот эти бумаги будут совершать на биржах и так далее – глубоко начхать. Самим только не заиграться на рынке со своими бумагами. Ну, если кто-то начнет игру на

понижение – скупать по дешевке. Если курс поднимется – снова пускать в продажу. Не более того. И то, если лишняя копеечка на такие цели завелась.

Возвращаясь к вопросу денежного обращения, могу сказать следующее: без денежных единиц на каком-то этапе не обойтись. У нас уже происходит переход от чисто общинного хозяйства (типа «военный коммунизм») и меновой торговли к уровню хозяйства примерно середины XIX века. Так что и торговать надо, и зарплату платить надо. Можно жить в орбите испанской денежной системы, можно завести свою... Но тут надо крепко подумать – а оно нам это надо, свой монетный двор, центральный банк и тому подобное заводить? Но в любом случае первоначально у нас будет металлическая денежная система (золото, серебро), с возможным выпуском банкнот или казначейских билетов, свободно размениваемых на золото.

Решаю, что момент подходящий для заявления:

– Что касается выпуска собственных денег, то никто не мешает, формально находясь в испанской системе, штамповать «поддельные» песо из вполне настоящего серебра.

В ответ на скептические взгляды солидно поясняю:

– Так в реальной истории колонии делали сплошь и рядом, а уж нам, попаданцам, с нашим уровнем металлообработки, приличный штамп сделать сам Бог велел. Тот образец, что сделали в «Ломоносове», свою работоспособность доказал, за что инженерам отдельное спасибо, – изображаю поклон в

сторону Динго. – Это даст нам все преимущества собственного монетного двора и банка без их недостатков.

В разговор с весьма эмоциональным выкриком вмешалась молчавшая до сих пор Ирина, которая трудолюбиво записывала реплики присутствовавших.

– Хаччу монетки!!! – и она начала со вкусом описывать (едва не облизываясь), как она себе их представляет. – Центральная часть – серебристая, вокруг поясок из золотистого металла... На серебринке – песец с одной стороны, а с другой – нахальный медвежонок!!! По золотому пояску – колосья, обвитые травинками...

Слегка остужаю ее порыв.

– Не пойдет. В текущие времена монета ценится, исходя из содержания драгметалла, а чеканка – просто удобный способ расфасовки оного, чтобы не взвешивать каждый раз. Даже векселя воспринимаются исключительно как расписка на определенное количество драгметалла. Ну, а идея монеты, номинал которой выше, чем стоимость содержащихся в ней драгметаллов, вообще рассматривается как фальшивомонетчество. Таким образом, сударыня, получится, что стоимость вашей биметаллической монеты будет крайне трудно определить, а затраты на ее производство получатся столь высоки, что реальное хождение просто будет невозможным.

Ирина однако не желала так просто расставаться с заманчивым образом, который создало ее воображение.

– Ну-у, а вот как памятная, юбилейная, так сказать, ме-

далька? А остальные монетки – из одного металла, но с тем же изображением и с номиналом?

Чтобы прекратить не самую актуальную дискуссию, высыпаю на стол образцы «новых реалов Директории».

– Смотрите. Эти монетки на пробу начеканил Евгений. Содержание золота в каждой – одна десятая грамма. Вроде как и немало. Но совершенно непривычно для этого времени. Если кто не помнит, в николаевском червонце было семь с лишним грамм золота. Серебряные монеты сейчас и за двадцать грамм частенько зашкаливают. И вы явно все забыли, что есть цена драгоценных металлов, а есть их покупательная способность. И эти вещи иногда друг от друга сильно отличаются. Ты же сама, Ирин, делала мне выписки, что и за сколько можно сейчас купить. Каковы средние зарплаты у крестьян, ремесленников. А вот то, что наши товарищи с экономическим образованием молчат и пока ничего толкового не предложили – это с их стороны косяк большой. Показатель, что серьезно к поручению командования они не отнеслись, что-то чем-то околачивали, вместо загрузки своих мозгов нужными мыслями.

Муж Иры попробовал себя реабилитировать после такого обвинения. Поднял руку, как школьник на уроке и, после моего кивка, даже поднялся с места.

– Если испанская корона взбухать не будет, то штамповать песо – на начальном этапе это лучший вариант. А там посмотрим. В общем-то, в отдаленной перспективе, не мешало

бы завести какую-нибудь хитрую внутреннюю систему безналичных расчетов. Чтобы никто со стороны в нее без разрешения влезть никак не мог. Заодно и защита коммерческой тайны по части финансовых возможностей колонистов.

Ирина столь же мечтательно, как она рассуждала о дизайне будущей монеты, протянула:

– А если честно, то хотелось бы завоевать себе полную финансовую независимость и возможность влиять на политические расклады в нарождающихся США и в Англии посредством денюжек...

Цинни скептически покачала головой:

– Оно, конечно, заманчиво и красиво – финансовая независимость, но вряд ли реально на сто процентов.

Хотя кое-какая база для экономической самостоятельности у нас есть. Во-первых, есть средства производства, которые имеют базовую стоимость. То есть уже можно от чего-то отталкиваться. Кстати, кто-нибудь задумывался над тем, как соотносить начальные затраты на построение технической базы, НИиОКР, обучение специалистов с конечным результатом?

Во-вторых, есть продукция, которая может быть поставлена для внутреннего пользования, а можно двигать ее и на внешний рынок.

Наконец, должен подчеркнуть, что наша внутренняя финансовая система должна быть полностью замкнутая. Вплоть до безналичного расчета за все услуги и товары для жителей

Форта-1, «Ломоносова», Долины «Дакота». То есть работники автоматом должны получать зарплату на внутренние чековые книжки. А для внешних расчетов могут эти чеки обналичить.

Ирина решила добиться ясности в так взволновавшем ее вопросе о внешнем виде новых денег:

– Так какая же у нас будет наличность? Я вот предложила внешний вид для нашей наличности... – и, вспомнив, добавила еще один вопрос. – А что будем делать с иностранной валютой? И каков будет курс наших монеток к иностранной валюте?

В очередной раз использую шпаргалку.

– Что касается наличности внутри анклава, то какая угодно. С одним условием – все расчеты, даже внутренними монетами и банкнотами – только при наличии у сторон чековой книжки анклава. Поскольку нет гарантий от «утекания» монет «наружу». Пусть это напоминает курс рубля к доллару в СССР, по девяносто копеек за доллар.

С инвалютой же – разве есть необходимость устанавливать какой-то обменный курс внутри Директории? Оно нам так необходимо? Будет Внешэкономбанк, который и станет работать с внешним миром. Грубо говоря, для примера – один грамм золота – один доллар. При себестоимости добычи драгметалла в шесть-восемь центов (в наше время считалась приемлемой себестоимость даже выше тридцати центов) мы можем пока позволить себе отталкиваться от реаль-

ных запасов золота. А там его сотни тонн в россыпях, которые не уйдут мелкими кусочками в частные руки, как было в реальной истории, чтобы потом осесть уже в руках нескольких крупных владельцев.

Но, конечно, будет нужен курс взаиморасчетов между фунтом стерлингов, реалом, долларом, маркой и так далее.

До единой валюты в Испании еще годы и годы. Да и после ее введения к оплате по-прежнему будут приниматься иные дензнаки, включая английские и французские, что во многом связано с принятием в тысяча восемьсот сорок восьмом десятичной системы счисления. Желаящие могут потом почитать некоторые мои выкладки по этой теме. Про разные там дублоны или сентены Изабеллы, серебряные полдуру, дуру и остальные песеты.

Решаю немного подсластить пилюлю Ирине:

– Чеканить монету как медаль – без проблем, и вполне престижно. А при уровне развития техники, который мы смогли поддержать у себя, какой чекан изготавливать – абсолютно фиолетово, так что с твоим вариантом никаких проблем, если употреблять один металл.

Если же для внешних расчетов, то без разницы, так и пишем – столько-то граммов серебра. А какими кусками-монетами выдавать – это не важно. Курс же обмена разных монет друг на друга образуется сам, поскольку нынче это зависит исключительно от веса и чистоты металла в монете.

Будущий Директор Департамента экономики Сергей Ким

(а может, финансов, это они пусть с Лордом утрясают, кто в каком кресле будет ожидать трендюлей от нас с Сергеичем) попробовал подвести промежуточные итоги.

– Значит, будем чеканить монеты. Я сильно сомневаюсь, что нам нужно использовать векселя. Ведь вексель может совершать внешний оборот, за пределами Директории, а это создает возможность накопления финансовых претензий и разового предъявления их к оплате. Поэтому народ тут совершенно прав – только внутренние именные расчетные книжки. Не обязательно чековые – техническую сторону можно еще продумать. А для внешней торговли вполне, на мой взгляд, годится вариант с выпуском испанских монет, который предложил Кобра.

Правда, тут есть вопрос: условную оценку материальных благ во внутреннем обороте в чем будем делать? В песо? Да в общем, все равно. Но не все равно – по каким ценам. По трансфертным – то есть специальным ценам для внутреннего трансферта, проще говоря – условно-расчетным? Или по ценам внешнего рынка? – он оглядел собравшихся и, не услышав от них каких-либо предложений, счел необходимым сам дать ответ на собственный вопрос. – Думаю, что для того уровня экономики, который есть на данный момент, устраивать заморочки с трансфертными ценами, с необходимостью коэффициентов их перерасчета во внешние цены и с прочей лабудой – слишком сложно. Наша Директория пока – не гигантская транснациональная корпорация, чтобы этим

заниматься. Так что, наверное, надо остановиться на внутренних расчетах по текущим ценам рыночной торговли. А ежели во внутренней экономике надо будет рыночные пропорции подправить, то делать это не через манипуляциями с ценами, а прямым перераспределением бюджета через казначейство.

Споры на этом однако не затихли. Динго идея с отказом от вексельного обращения явно не понравилась.

– Если держать выпуск векселей под контролем, то никаких проблем я не вижу. А в обращении они намного удобней, – и, стремясь убедить собравшихся, он стал с горячностью пояснять. – Вот, практический пример. На войска, для их обеспечения центральной конторой выпускаются векселя на определенную сумму. Причем те ценности, которые являются обеспечением данных векселей, находятся в запасниках, и никуда не перемещаются, что тоже немаловажно. Войска, получая у промышленников, к примеру, оружие, рассчитываются этими векселями. Промышленники на них же приобретают у сырьевиков, к примеру, руду. А сырьевики, уже по итогам года, когда требуется подвести итоги деятельности и внести свою долю налогов и взносов, рассчитываются ими с центральной конторой, которая их уже гасит. Все – оборот векселя завершен, причем материальные ценности, служащие их обеспечением, не затрагивались. При этом учет векселей вести намного проще, чем именных чеков, которые каждый будет выплачивать по отдельности. На один такой

круг, который прошел приведенный в примере один вексель, придется не менее трех чеков. А в реале это число еще больше возрастет, вместе с расширением экономического оборота, в прямой пропорции.

Замечаю мимоходом:

– Возможность в любой момент законно перевести собственные сбережения с внутренней книжки в твердое серебро по честному курсу резко подымет мораль жителей форта, прежде всего непопаданцев. А для того что бы они поняли ценность именно внутренних безналичных расчетов, часть продукции – например, патроны, лампочки накаливания, огнестрел под унитарный патрон – не продавать за серебро вообще.

Возражение от Евгения последовало немедленно.

– Ага, и как итог, здравствуйте спекуляции этими товарами, их черный рынок и пр. Причем сами же родите эти все прелести на ровном месте...

Споры вспыхнули с новой силой. Первым с горячностью возражать Динго начал Лорд, прекративший играть в молчанку.

– Да, в обращении векселя намного удобнее, но только если... если не держать их оборот под контролем! В приводимом тобой примере вексель совершает исключительно внутренний оборот, и все очень красиво. Но пример – не доказательство. Вексель – универсальный платежный инструмент, и ты тут сам нам говорил про экономические законы, кото-

рые нельзя отменить. Так что векселем вполне могут оплатить и поставки со стороны. Все – вексель ушел в чужие руки и контроль утрачен... Значит, надо вводить запрет на внешний оборот векселей, что будет вести к попыткам обойти этот запрет и т. д. и т. п. Твоя идея с выплатой налогов преимущественно векселями – да, она будет работать. Но только до тех пор, пока кто-то не начнет их целенаправленную скупку.

Короче, моя позиция – не эмитировать вообще никаких фондовых ценностей, никаких ценных бумаг, способных к внешнему обороту. Во внутреннем оптовом обороте – чисто бухгалтерские расчеты. Что касается чеков, тут ты прав – есть проблемы, если строить на них систему внутренних расчетов. Но можно ведь построить и не чековую систему. Можно и в индивидуальном распределении доходов, и в учете расходов ограничиваться чисто бухгалтерскими записями и записями в расчетных книжках. И лишь в случае необходимости что-то приобрести за пределами колонии колонисты могут свободно конвертировать свои расчетные песо, записанные в книжках, в серебряные. Думаю, это будет незначительная часть общей безналичной денежной массы, поскольку колонисты будут снабжаться преимущественно за счет внутренних ресурсов и за счет оптовых закупок колонии, а прямые индивидуальные покупки у сторонних торговцев будут редкостью. Хотя не вижу ничего страшного, если и внутренняя розничная торговля будет переведена на серебряные

монеты.

Сдавать без боя концепцию внутренних чековых расчетов мне не хотелось.

– А какие проблемы с чеками? Любой гражданин сможет обменять как чеки на серебро, так и серебро на чеки – но только гражданин общины.

Тут же раздалась ехидная реплика Динго.

– Понятно. То есть ваши чеки будут «деревянными». Раздолье для спекулей и прочих жучил-менял, опять же... А если на бухгалтерских расчетах систему строить, так это надо двух расчетчиков посадить для обслуживания каждого работающего!

Однако поддержки его критика не получила. Цинни присоединилась к защитникам безналичного оборота.

– Раздолье для каких спекулей? Из нашей среды? Пресекается достаточно легко. Любой пришлый просто не имеет возможности оперировать внутренними чеками, поскольку не является гражданином Директории. И по поводу двух чиновников-учетчиков на каждого работающего – это ты погорячился. Как ни странно, чековые книжки были и в СССР, не только для безнала в организациях. Просто ими пользовались очень редко. Поскольку забюрократили идею моментально. Слишком много времени уходило на бумажную волокиту. Нас пока не так много. Тот же продавец в хлебной лавке всех своих просто в лицо знает. И как вот работает система «частных кредитов» в любой западной стране? Когда

житель района постоянно посещает одни и те же магазинчики рядом со своим домом? «Пьер, запиши на меня две кварты молока, у меня сегодня племянница приезжает, ей нравится твое молоко». А в конце месяца люди рассчитываются по таким «кредитам». Наличие чековых книжек даже упростит систему расчетов. Это не мегаполис и супермаркет, через который проходят тысячи приезжих со всей страны.

Однако и Динго не желал так просто сдаваться и вступил с нашей «дамой от идеологии» в пикировку.

– Ответь хотя бы на такой простой вопрос, как выдать сдачу с этой чековой книжки?

Лола тут же парировала:

– Какая сдача?! Ты о чем?

Динго не отставал.

– Ну, а как же? Ведь хотя бы в конце месяца покупатель все равно приносил доллары, марки или франки, и ими закрывал кредит.

Ну да, так он и заставит ее уступить.

– Вот именно! И даже там сдача совсем необязательна. Излишки или недостача переносятся на следующий месяц. Не путай, еще раз напоминаю ГУМ и сельскую лавку, где все друг друга знают.

Но и Динго не собирался уступать.

– Но все-таки от всяких таких чековых систем отказались и перешли к обычным наличным расчетам. А почему? Видимо, не очень удобная была вещь для массового использо-

вания.

Снова ответа долго ждать не пришлось.

– Как средство оплатить батон и шоколадку – да, тот еще геморрой. Если это делать каждый раз в новом месте, раз в год. Совсем другое дело – обналичить чек, если кто-то собрался на ярмарку в Гавану, в нашем банке. В пределах наличия средств на счете владельца книжки – никаких проблем.

И все же Динго продолжал стоять на своем.

– Продавцы в лавках, даже в мелких городах, в любом случае рассчитываются с покупателями обычными деньгами.

Елена с усмешкой возразила.

– А вот ни разу не так. Не везде, не всегда и не повсеместно. Это жизнь в больших городах у нас память поотбивала. Предлагаемая нами схема работала на практике, и вполне эффективно. Мы начинаем строить свое общество с нуля. И знаем, где и какие лежат грабли.

Снова подача перешла на сторону Динго.

– Предлагаемые чековые книжки будут просто порождать злоупотребления. Начиная от помощи пришлых купцов местным в обналичивании этих «книжек» в серебро со скидкой, по более привлекательному курсу, и заканчивая приобретением нужных товаров пришлыми через местных.

Этот аргумент нисколько не поколебал уверенность Цинни.

– Да, это возможно, – ответила она, – если доводить до абсурда, как при системе обслуживания в закрытых городах

при СССР. Не приходилось в таких бывать? Или хотя бы в военных городках воинских частей?

Унять Динго было не так-то просто.

– Когда появляются два параллельно ходящих денежных инструмента, обязательно появится и рынок обмена один на другой, – настаивал он. – Прими это как аксиому.

Но и на это нашелся ответ.

– Они же не пересекаются. Совершенно. Те льготы и скидки, которые получают жители Директории, при всем желании не получают пришлые. А на внешнем рынке и внутреннем те же товары нашего производства стоят одинаково в пересчете на серебро или золото. Для оптовика.

Если только ты подразумеваешь, что перекупщики способны подбить кого-то из поселенцев на приобретение оптовых партий, для последующей перепродажи? Так ведь магазины и лавочки просто не имеют таких запасов, чтобы торговать оптом. А любые заметные внешнеторговые операции пойдут через Банк и руководство Форта.

Саркастически улыбаясь, Динго резюмировал.

– Понятно. Первое. У тебя все эти книжки на предъявителя. Второе. Все работяги грамотны. Третье. Они всегда четко знают остаток на своем счете, а все лавочники в этом уверены, как и в том, что легко все эти листочки с крестиками работяг у них без проблем примут и акцептуют. Нереально. Кроме того, на практике такие книжки банки выдают только особо проверенным клиентам. Если банк ее выдаст индей-

цу Педро Большая Кружка, который копает канаву, или ирландцу Пэдди Красный Нос, который в кузне меха таскает, то они в первый же выходной пропьют все свои лимиты на пару месяцев вперед...

– По первому пункту – да. По второму пункту – да. По третьему пункту – да. Прими во внимание, что если уж кто-то стал жителем Директории, что не так и просто, то уже достоин доверия. А что до Пэдди Красного Носа... Кто же ему столько нальет или продаст бухла? Не надо принимать нас за идеалистов и альтруистов.

Наконец, в эту перепалку вмешался Сет Север.

– Вот в чем я Динго поддерживаю, – заявил он, – так это в том, что внутреннюю розничную торговлю, действительно, несколько проще вести серебряными монетами безо всяких льгот и привилегий. Этим полностью снимаются любые проблемы функционирования параллельных денежных единиц. Остается лишь один вопрос – как воспрепятствовать индивидуальной перепродаже товаров, запрещенных к вывозу из Директории? Но ведь и чековая система сама по себе этот вопрос тоже не решает.

В чем я Динго не поддерживаю, так это в намерении оптовый оборот вести на основе векселей. На первом этапе, если строго планировать фонд погашения векселей – да, это возможно. Но эта система имеет потенциальные опасности при значительном расширении оборота, когда становится возможна значительная концентрация векселей в одних руках

и единовременное предъявление их к уплате. Или Директория будет держать резервы, позволяющие единовременное покрытие всех векселей, находящихся в обороте? Повторю – как начальный этап это возможно. Но затем векселя во внутреннем обороте надо менять на обычные безналичные расчеты, лучше – вводить их с самого начала, а во внешнем – на банкноты Госбанка или казначейские билеты. Поскольку хозяйство Директории не частнопредпринимательское, вообще нет нужды в применении собственного вексельного оборота. Внутри – сразу безнал, монета в рознице и во внешней торговле, потом – переход к банковским билетам со свободным разменом на металлические монеты. И в очень отдаленной перспективе – лет через сто – сто пятьдесят – чисто бумажные деньги.

Динго быстро отреагировал на один из вопросов, поставленных в речи Сергея.

– Как воспрепятствовать перепродаже товаров, запрещенных к вывозу? Только одним путем – не продавать их в частные руки вообще. Плюс учитывать поштучно, с частыми и неожиданными ревизиями.

Цинни и тут решила не соглашаться с Динго, хотя высказала, по существу, ту же самую мысль.

– Есть еще проще решение. Что именно мы не собираемся выпускать из-под своего контроля? Не так и много изделий, которые будем делать только для себя. И жестко держать их под контролем, чтобы не пришпорить прогресс в остальном

мире, это можно будет до определенной степени. Как-нибудь потом они и сами все придумают. Пусть позже, хуже и дороже, но сделают. А пока – не все, что можно дорого продать, следует продавать.

А что до чекового обращения, то скажу еще раз: для граждан обмен чеков на серебро и серебра на чеки свободный. Для пришлых такой обмен не имеет смысла, потому как то, что продается свободно, стоит одинаково – что в чеках, что в серебре. То же, что продается только по чекам, то продается только гражданам, владение этими объектами пришлым запрещено. Граждане получают зарплату чеками, им просто нет смысла менять их на серебро, поскольку за чеки можно купить все то же самое и чуть больше, они удобнее, а на серебро обменять можно в любой момент без потерь. Никакого поля для спекуляций здесь нет, есть поле для контрабанды, но она будет при любой системе расчетов.

Похоже, что Динго устал спорить, но теперь он пытался настоять на своем, предложив нечто вроде итоговой резолюции.

– Значит, чеканим монету, печатаем бланки векселей и готовимся к выпуску денег.

Сет Север немедленно возразил.

– Да сколько же говорить – не нужны нам векселя! Чековые книжки напечатать важнее.

Что-то вспомнив, он снова озадачил присутствующих вопросом.

– И, кстати: а какие деньги будем печатать? Обязательства Банка Директории – банкноты? Или билеты государственного Казначейства?

Видя, что никто не торопится помочь ему разобраться в тонкостях денежной системы, он сам забубнил себе под нос, но так, что было слышно всем собравшимся.

– Вообще-то, наверное, лучше банкноты, а не казначейские билеты, чтобы юридически отделить казначейство, то есть бюджет, от любых денежных претензий. Бумажные деньги, конечно, назовем так же, как монеты, и обозначим на них право на свободный размен на золото и серебро.

Тут со своим вопросом вылезла Ирина.

– А смысл какой, если с разменом? То же количество золота и серебра в резерве держать придется.

Муж снисходительно пояснил своей половине:

– Даже если то же – есть смысл. Легче с бумажками возиться. А на практике достаточно иметь резерв процентов тридцать. Вон, червонец в двадцатые годы очень устойчиво держался при таком обеспечении. А остальные семьдесят процентов обеспечения бумажных денег составят запасы ходовых товаров.

Затем он помрачнел и со вздохом произнес:

– Это же мне разорваться придется! Банк организовывать, чеканку монет, эмиссию денег, налоги собирать... Мама дорогая! Где я людей возьму? – и с этим возгласом Сергей затравленно оглянулся на нас с Цинни, как бы ища помощи.

Но мы, сдерживая улыбки, лишь дружно развели руками.

– Сам знаешь, что людей лишних нет. Придется тебе самому воспитывать кадры из переселенцев или из местных. Отберешь толковых ребятишек, обучишь, поднатаскаешь, и будут тебе банкиры, бухгалтера, финансисты и сборщики налогов.

Складываю в стопку свои заметки, которые делал по ходу беседы и решаю подвести некоторый итог.

– Печально, что люди, от которых я рассчитывал получить квалифицированную помощь, подготовились к совещанию из рук вон плохо. Это относится к обоим Сергеям. Особенно ты, Лорд. В самой беседе участвовал очень вяло. Не упомянул очевидные вещи, о которых даже я накопил достаточно инфы. В частности – о биметаллизме. Мы сейчас как раз находимся на территории, где золото и серебро имеют равное хождение. С прошлого года Штаты установили более-менее твердую цену на оба металла. Около двадцати «зеленых» за унцию золота, серебро дешевле раз в четырнадцать. И такое соотношение продержится достаточно долго. До тысяча восемьсот шестидесятых нашей истории. Чем это нам может помочь, или, наоборот, помешать – вопрос не ко мне, а как раз к вам обоим.

Могу поделиться предположениями, основанными на довольно точной информации. В нашем нынешнем статусе – вроде свободная территория с элементами самоуправления, находящаяся под надзором и контролем Испании, мы пробу-

дем еще с год-полтора. Дело идет к предоставлению нам почти полной автономии. Естественно, с экономическими преференциями в адрес Мадрида. Думаю, что такие взятки мы потянем, если не будем слишком задирать нос и напрягать Европу большими вбросами золота. Чтобы не пробуждать у них излишнего аппетита. Скромнее надо быть...

Исходя из этого, вам дается новый срок, в один год, до следующего декабря. Но тогда уж на моем столе должен лежать меморандум, в котором ясно и понятно, не только для меня, но и для любого мексиканского пеона, расписаны основные формы нашего экономического порядка.

Хочу сразу предупредить, ребята – шутки давно кончились, в мае девяностого! Ваша работа в школе, помощь на других участках – про нее мы не забываем и ценим ваши усилия. Но из всех нас только вы имеете нужное образование, которое необходимо использовать с максимальной пользой.

Все свободны, до следующей встречи. Женя, ты задержись, надо уточнить по «дальним рациям», что вы там из них соорудили?

Декабрь 1793 года

Долина «Дакота»

Динго

Когда более-менее наладилось с выпуском медной проволоки и латунного листа, актуальными оказались два проекта. Первый был спущен сверху – отработать технологию и запу-

стить в производство цельнотянутую латунную гильзу, хотя бы простейшую. И, как параллельная задача, сделать пулю для «калаша», который «семь-шестьдесят два». А то патронов для него остался один «цинк», да и тот уже початый. Задача переснаряжения их стояла остро, а проблем целая куча получается.

Как оказалось, мягкая свинцовая пуля для системы Калашникова не подходит категорически. Десяток пробных патронов, снаряженных таким образом, даже отстреляли не весь. Заклинить АК после третьего выстрела – это надо уметь. А выковыривание кусков свинца из газоотвода оказалось отдельной песней. Так что пришлось осваивать штамповку латунных оболочек.

Первые опыты с их штамповкой из тонкого листа как начались, так и закончились без всякого успеха. Рвется латунь, и все тут. Надо подбирать состав, а это опыты и опыты. Новую идею предложил Ронан: отливать заготовки в виде небольших конусных тонкостенных стаканчиков и потом доводить их под прессом до нужной формы. Этот вариант сулил надежды на успех. Немного повозились с формой для отливки и получилось ведь! Только в дальнейшем нас ждал еще один облом. Уже отработали технологию отжига стреляных гильз, обжимки их до исходного размера. Даже придумали, как покрывать изнутри лаком, притом, что снаружи она оказывалась чистой. Как оказалось, «зеленый порошок» давал хоть и меньше нагара, чем обычный «дымарь», но все

же столько, что работа газоотводной автоматики быстро нарушалась. После первого рожка начинались задержки, после второго «калашу» требовалась основательная чистка. Все-таки разница между пироксилиновыми порохами двадцатого века и нашими смесями на селитряно-пикриновой основе была слишком велика. Если баллистику метров до пяти-сот можно было и обеспечить вполне приличную, то с нагаром справиться так и не удалось. Так что проект был отложен до появления нового пороха на основе пироксилина. Зато аналогичное переснаряжение пистолетных патронов 9×18 и 9×19 прошло на ура. Что у пистолетов, что у «Хеклера» автоматика инерционная, со свободным затвором, засоряться там особо нечему. Только чистить почаще надо, а так все работает.

А вот с гильзой дело пошло несколько легче. Не сразу, конечно, но пошло. Заготовку сразу, не мудрствуя лукаво, стали отливать по той же технологии, что и давешние оболочки для пуль. Потом соорудили специальный станок, на котором гильза прокатывалась до нужного диаметра и формировался рант. Вскоре технология должна была прорисоваться полностью, а там и до производства недалеко. Пока наши мастера экспериментировали с ручной оснасткой, так что гильз выходит немного и все разные, ну да ничего, доведем процесс до ума, никуда не денемся.

Собственно, я к этому времени уже переключился на другой проект. А то проволока медная уже есть и в изрядных

количествах. И диаметр подходящий – чуть меньше миллиметра. И даже соорудили станок для обмотки медяхи изоляционной нитью, благо закупку хлопка организовали уже давно. Да еще наши химики разработали термостойкий лак-изолятор на основе каких-то растительных и минеральных компонентов. Так что пора было задуматься над своим электричеством. Генераторы от автомобилей не вечны, а Занудин двухсотдвадцативольтовый «дырчик» вообще проживет еще год, максимум два. Даром что уже давно крутится от водяного колеса, щетки и подшипники тоже имеют свойство изнашиваться. Так что генератор надо строить, а следом и мотор. Но начинать надо именно с первого.

Только одна вырубка пластин якоря заняла почти месяц, правда, параллельно с этим обматывали проволоку изоляцией и делали вал с коллектором. Последний, за неимением иного подходящего диэлектрика, изготовили из старательно пропитанного маслом дубового цилиндра с привинченными к нему латунными пластинами. Ну а сборка и балансировка всего ротора оказалась той еще задачей, пока мы смогли установить его в станину и залить подшипники. Оставалась только уложить обмотки. Сначала казалось, что фигня, за пару дней намотаем якорь, что мы движки не мотали, что ли. Ага, как же. Одно дело наматывать маленький моторчик для авиамодели, и совсем другое – ротор в полтонны весом. Укладка обмоток получилась у нас только с третьего раза и заняла больше месяца. Оставалось только намотать катушки

статора и, на первый взгляд, машина была готова.

Первый раз обороты на генератор подали седьмого ноября. Нет, я не стремился подгадать к годовщине Октябрьской революции, которая еще не случилась, но народ из попаданцев изрядно насмешил. Правда, несколько дней агрегат работал вхолостую, надо было дать притереться щеткам и подшипникам. Тут-то и выяснилось, что я дал маху. В свое время мне пришлось перерыть кучу литературы на ноутбуках в поисках методики расчета генераторов. Кое-что нашлось, но, похоже, то ли в книге была ошибка, то ли я неправильно применил описанный метод к нашей задаче. В общем, вместо двухсот двадцати вольт наш генератор выдал триста сорок. Но, поскольку наша первая электрическая машина была постоянного тока, то с этим удалось справиться сравнительно легко, заменив шкив и уменьшив скорость вращения вала. Сразу как был готов первый генератор, заложили еще парочку моторов. До завершения строительства плотины в долине остались считанные дни, а значит, можно будет начинать монтировать первую ГЭС в этом мире. Моей мечтой было убрать из форта «Ломоносов» громоздкие привода от водяных колес, заменив их электростанцией и компактными движками.

Первый станок, кандидат на электропривод, уже есть. Когда, через неделю после пуска генератора, Логинов на пару с Ронаном пригласили меня в цех, я слегка обалдел. Они соорудили едва не полуавтомат. Только вставляй обоймы с

заготовками и нажимай на педаль, а дальше – вжик-бряк-звяк – и в приемную корзину (а что вы думаете, калифорнийские индейцы непревзойденные корзинщики, так что ящики мы использовали только для ружей, доски-то пилить надо) вылетает свеженькая, еще горячая гильза. Весь цикл занимал секунду-другую. В обойме двадцать пять заготовок, замена резца и регулировка обжимных роликов раз в день. Итого пять-шесть тысяч гильз за восьмичасовую смену. И, чувствую, одним станком дело не ограничится. Да и машину для снаряжения надо делать на таком же уровне. Я не я буду, если второй патронный завод в долине не возникнет.

Так что на Новый Год Кобра вручил нашим мастерам ценные подарки. Собственно, делали эти подарки мы на пару с Мигелем – повторили конструкцию котозавровского револьвера, только без глушителя и с откидным барабаном. Вот только пластинки на рукоятке гравировал тот же мужик, который клише резал. А патроны награжденные сами накрутят – гильз-то теперь навалом.

Глава 3. Ваше слово, товарищ «Маузер»!

*«Извините, мистер Кольт, но ваш дилижанс
уехал!»*

Из воспоминаний Евгения-Динго

Зима-весна 1794 года

Динго

1

Поскольку производство револьверных патронов потихоньку налаживалось, мы задумались над унификацией нашего короткоствола. На данный момент в производстве находился капсюльный револьвер по типу «кольта» 1853 года и несколько мелкосерийных опытных образцов под новый патрон. Не скажу, что многие из них получились удачными, но опыт кое-какой мы приобрели, так что возились с ними не зря. В начале 1794 года плотно засели над созданием системы, которую можно было сравнительно легко выпускать в двух вариантах. Максимально унифицировав их по основным деталям: обычный гильзовый и капсюльный, с быстрой сменой барабана. Общие контуры конструкции прорисовались достаточно легко: нагановская механика с аналогичной

схемой обтюрации, откидной вбок барабан на шесть патронов с одновременной экстракцией. Это под новый револьверный патрон с длиной гильзы тридцать пять миллиметров, в которую 11,5-граммовая пуля была полностью утоплена. В капсюльном варианте барабан также откидывался в сторону и мог быть быстро заменен на снаряженный. То есть отличие обеих моделей состояло в нескольких деталях. Конечно, для совмещения обоих способов заряжания в одной конструкции пришлось повозиться, но дело того стоило. К тому же, капсюльный револьвер комплектовался четырьмя, а то и шестью сменными барабанами.

Именно последнее и доставило нам массу головной боли. Подгонять набор барабанов под каждый экземпляр не годилось в принципе. Требовалось добиться того, чтобы при некоторых допусках взаимозаменяемость деталей была полной. Взял из ящика первый попавшийся револьвер, из другого несколько барабанов, снарядил и стреляй. Решение нашлось довольно быстро, однако еще перед постановкой револьверов в серию, мы с мужиками договорились провести небольшую инженерно-производственную практику с нашими юными дарованиями.

В один из вечеров, после школы, у меня в кабинете собрались Логинов, я и наши начинающие механики Пашка-Поль, Патрик и Олененок. На столе были разложены десяток револьверов и вдвое больше сменных барабанов к ним. Задание ставил Анатолий.

– Итак, молодежь, – произнес он, беря в руки один из револьверов, – вот вам задачка. Наш новый револьвер должен иметь сменный барабан для быстрой перезарядки. Но далеко не каждый из них подходит друг к другу. А нужно, чтоб любой барабан ставился в любой револьвер без всякой подгонки. Думайте. Вопросы можете задавать и сейчас и по ходу дела. Через неделю посмотрим.

– А как может не подходить барабан к револьверу? – спросил Патрик. – Они же все одинаковые.

– Все, да не все. Смотрите, – беру один из экземпляров, взвожу и спускаю несколько раз курок, – у этого все нормально. А теперь меняем барабан – и что мы видим? Курок взводится туго, если посмотреть на свет, видно, что камеры идут ниже, на доли миллиметра. Берем другой, – разумеется, изделия были специально подобраны, с характерными дефектами. – Здесь вот недоворот барабана. Опять-таки револьвер взводится туго. А вот в такой комбинации курок вообще взвести нельзя. Клинит.

– А где мы можем этим заниматься? – поинтересовался Пашка.

– В оружейной мастерской для вас приготовлен верстак, инструменты и шкаф для хранения оружия, – объяснил я. – Ключ от него вручаю Патрику, как самому старшему. Револьверы и детали не раскидывать и не баловаться, за этим буду следить лично. Все, что касается работы на станках – обговариваете со мной или Анатолием. Что-то сможете де-

лать сами под нашим присмотром, что-то мы сделаем по вашим заявкам. Ну, а в случае успеха – получите разрешение изготовить по револьверу себе. И внеочередной поход на стрельбище я вам обещаю. Пробный отстрел этих десяти «стволов» будет ваш. По тридцать выстрелов, как полагается.

Даже удивительно, как быстро мальчишки справились с заданием. Впрочем, зря что ли я им читал лекции, в том числе и по основам ТРИЗа¹⁴. Собственно, идея была проста: поскольку барабан надвигался на казенную часть ствола, нужно было позиционировать его не по выступам храповика, а именно по ней. Иными словами – должен был быть небольшой люфт. Благодаря зазорам все совмещалось как надо. Мы же вначале стремились к очень высокой точности изготовления, на чем и попали. Ребята даже разобрались с дополнительной «изюминкой» – один из револьверов был с браком, барабан у него в принципе не мог встать как надо. Нужно было менять откидной кронштейн вместе с осью. Мальчишки это дело просекли и просто изготовили нужную деталь. Что и говорить, молодцы. Достойную смену выращиваем.

Демонстрация обоих вариантов револьверов была встре-

¹⁴ Теория Решения Изобретательских Задач, основанная Г. А. Альтшуллером и его коллегами в 1946 году и впервые опубликованная в 1956 – технология творчества, основанная на идее о том, что *«изобретательское творчество связано с изменением техники, развивающейся по определенным законам»* и что *«создание новых средств труда должно, независимо от субъективного к этому отношению, подчиняться объективным закономерностям»*.

чена начальством с огромным интересом. Опробовав новинку на стрельбище, Кобра выдал глубокомысленную идею.

– А вы не думали над карабином под этот патрон? По типу «винчестера».

– Это ты про тот самый, любимый Котозавром «левер»¹⁵? Отладим производство револьверов, попробуем. Только учти, когда он вернется, все стрелки я буду переводить на тебя.

– А что такое? – удивился Сергей.

– Так помнишь, когда ему переделывали одностволку в помпу, – с ухмылкой пояснил я, – там были варианты со скобой, Салли предлагала. Однако его фантазии насчет того, что можно сделать этим «левером», почему-то касались только меня.

– Ничего, – засмеялся Кобра, – переживет. Никуда не денется. Ты, главное, сделай.

Однако значительно раньше мы умудрились сделать не карабин, а телефон. Зря что ли столько сил было потрачено на провода, электричество, генераторы, моторы. Одних только столбов поставили между «Вихрями» и «Ломоносовым» несколько сотен. Да еще больше сотни стояли в направлении металлургического центра. Так что, когда к середине лета мы привезли в «Вихри» и установили телефон, народ

¹⁵ Lever Action – система перезарядки со скобой-рычагом. «Винчестер» такой конструкции – неотъемлемая часть любого уважающего себя фильма в жанре «вестерн». Впрочем, в «Турецком гамбите» он тоже засветился.

там слегка офигел. Конечно, аппарат мало чем напоминал привычные нам. Скорее получилось что-то напоминающее о временах «барышня, дайте Смольный». Три таких аппарата обеспечили связь между основными нашими поселками. Коммутатор, как нетрудно догадаться, планировалось поставить в «Ломоносове», однако, пока абонентов всего трое, телефоны мы просто запараллелили. Ну и что, что при вызове трубку снимали сразу двое, зато можно было обойтись без «барышни». Что касается дальнейшего развития телефонной сети, я обозначил простую мысль: аппараты мы можем делать по штуке в месяц. Провода по три-пять кэмэ за то же время. Согласовывайте с начальством, ставьте столбы, заказывайте изоляторы и получите связь. Всеслав, загоревшийся было телефонизировать обе свои заставы, слегка поутих, прикинув объем работ. Но от этой идеи отказываться не собирався, пообещав в течение года установить столбы и протянуть провода.

2

Об очередных достижениях нашей оружейной промышленности я докладывался не на общем собрании, а в весьма узком кругу. Нет, не из соображений секретности, просто география нашего присутствия значительно разрослась и само понятие общего сбора попаданцев сошло на нет. Почти десяток выходцев из двадцать первого века пребывали

слишком далеко, и их возвращения в обозримом будущем не ожидалось. Да и с некоторых производств народ практически невозможно было сдернуть. Так что в кабинете командира собрались только руководство и отдельные представители нашего сообщества: сам Кобра, Змей, Курбаши и Все-слав. Поскольку Дядя Саша отбыл в Испанию, собрание вел Сергей.

– Ну что, как говорится, по просьбам трудящихся, – начал я после вступительных слов Кобры, – мы слегка помучились, но сделали давно требуемый отдельными товарищами легкий карабин.

– Показывай, не тяни! – встрял Андрей.

Пришлось мне развернуть чехол и извлечь оттуда наше творение.

– Как видите, карабин получился очень похожим на старый добрый «винчестер» образца тысяча восемьсот семьдесят третьего года. Только вот заставить его работать с нашими револьверными патронами не удалось.

– То есть? – удивился Кобра. – Нам придется налаживать выпуск еще одного типа боеприпасов?

– Во-первых, не вам, а нам, – припомнил фразу из известного фильма, – во-вторых, особо ничего налаживать не надо. Гильза та же, снаряжение другое.

– Так-так, а ну-ка поподробнее?

– Все очень просто, – объяснил я, – патрон, построенный по нагановской схеме, совершенно не подходит к ка-

ким-либо магазинным конструкциям. Он сделан исключительно под барабан, а при подаче из магазина достаточно малейшего перекоса и всё, утыкается. Пуля-то полностью утоплена, вот краем гильзы и упирается. В общем, работает винтовка только в строго горизонтальном положении. У «родных» нагановских патронов для лучшей подачи из магазина дульце обжимали, но с мягкой свинцовой пулей это не вариант. Так что снаряжать пришлось по-другому. Пулю слегка удлинители и утяжелили, теперь она высовывается из гильзы наполовину. Заряд пороха увеличился раза в полтора. В итоге имеем четыреста метров в секунду у тринадцатиграммовой пули против трехсот с копейками у одиннадцати с половиной револьверной. Дульная энергия возросла вдвое, у револьвера чуть больше пятисот джоулей, у карабина получается тысяча с хвостиком. Ну и баллистика чуть лучше стала, прицельный огонь на триста – триста пятьдесят метров можно вести уверенно, дальше траектория минометная, все-таки пуля тяжелая и низкоскоростная, это сказывается. Но до трех сотен карабин бьет очень кучно. Не снайперка, конечно, но в круг сантиметров двадцать пять укладываемся стабильно. Пока это максимум, что можем вытянуть. Да, весит ружбайка четыре с половиной кило. Это пустая, а с патронами еще граммов на триста тяжелее.

– А сколько патронов в магазине?

– Двенадцать, тринадцатый в стволе. В принципе, можно увеличить емкость до шестнадцати, – добавил я, – но тогда

пружина магазина сжимается очень сильно и быстро садится, поэтому поставили ограничитель.

– Зачетная вещица получается! – восхитился Курбаши. – Дай пострелять.

– погоди ты, постреляльщик, – одернул его Кобра, – это явно еще не все. Вон у Динго еще два чехла в углу прислонены. Думаю, что он еще сюрпризы приготовил.

– Глазастый! – пошутил я. – Ничего от КГБ не скроешь, – и распаковал второй карабин.

– И чем он отличается? – спросил Курбаши.

– Полуавтомат. Самозарядка под тот же патрон.

– Ах... ренеть! – едва не выматерился Андрей. – Дайте две!

– Больше одного в одни руки не давать! – отрезал якобы зам по МТО. – И вообще, Жень, ты же говорил, что автоматика на нашем порохе работать не будет?

– Газоотводная. А здесь обычный свободный затвор.

– Однако! И намного он сложнее «винчестера»?

– Да как бы и не проще. Деталей в механизме на три штуки меньше. И, что самое интересное, конструкция унифицирована процентов на восемьдесят. Сбоку добавлен трубчатый корпус возвратного механизма, затвор другой конфигурации, ну и на пару пазов меньше в ствольной коробке. Все остальное то же самое. Устройство примитивно до безобразия, – я откинул замыкатель крышки и разложил детали карабина на столе.

– Действительно, несложная механика.

– А что может быть проще свободного затвора?

– Все бы ничего, но почему у обоих вариантов нет предохранителя?

– Предохранитель есть. Внутренний. Пока спуск не нажмешь, курок до бойка не дойдет. Так что невзведенный карабин по умолчанию на предохранителе стоит.

– И как в плане надежности, настроела?

– Самозарядный где-то после ста пятидесяти выстрелов от нагара дурить начинает, не всегда перезаряжается, но до клина мы его так и не довели даже пятью сотнями. А рычажная механика вообще и этого не замечает. Там усилие перезарядки небольшое, патроны раньше кончатся, чем клинить начнет.

– Нормальненько... – это уже Всеслав резюмировал, – а в третьем чехле что за штука?

– А это еще одна версия. Максимально удешевленная, – разворачиваю чехол. – Магазин коробчатый, на пять патронов по типу «мосинки» с ее отсечкой-отсекателем, затвор скорее бердановский, с запиранием на основании рукоятки. Импульс патрона невелик, можно обойтись без фрезеровки боевых упоров на личинке и казеннике. Затраты труда процентов на двадцать меньше и металла где-то на столько же. Карабин легче почти на килограмм. Из минусов: отдача ощущается сильнее и скорость перезарядки меньше.

– А объединить этот магазин с самозарядкой не пробова-

ли?

– Пытались. На такой ствольной коробке автоматику не сделать, затвор слишком легкий получается. А с коробкой «винчестера» магазин плохо стыкуется и, почему-то, в автоматике, хоть убейся, не работает. Практически надо делать принципиально новую систему. В общем, сейчас работаем над коробчатым магазином патронов на десять, но пока не получается. Нет образца. Мужики, если кто-нибудь хорошо помнит устройство магазина СВД, нарисуйте. Какая-то тонкость там есть – все, что мы нашли, не помогает. Сплошные утыкания и перекосы.

– А какие у вас возможности по производству этих карабинов? – Кобра прикидывает перевооружение.

– Пока получается так, – прикинул я, – на начальном этапе сможем делать две-три штуки в неделю самозарядок или «леверов». «Болтовок» до пяти. После отладки производства полтора десятка первых или двадцать вторых. Но именно «или»! На большее нужны люди, люди и еще раз люди. У нас сейчас выпускается два вида револьверов и два винтовок, кроме этого идет переделка испанских ружей. Плюс пулеметы крупнокалиберные в штучных экземплярах делаем. И это не считая новых карабинов. Так что давайте что-то решать с оружейным производством. Что выбрать в качестве перспективного, а что потихоньку сворачивать.

– А по винтовочному патрону у тебя какие наработки имеются?

– Да пока толком никаких. Только-только начали. Все-таки бутылочная гильза несколько сложнее цилиндрической револьверной.

– А какой калибр предполагаешь?

– На данном этапе, думаю, унифицируем. На десять миллиметров у нас и стволы нормально получаются, и гильзы. Да и уменьшить хотя бы до восьми пока вряд ли получится. Там нужна точность обработки повыше и технологии лучше. Так что, полагаю, нам лет на пятнадцать-двадцать «сорокового»¹⁶ калибра хватит.

– Насколько я помню, – задумчиво произнес Кобра, – у нас здесь на складе лежит около сотни с небольшим винтовок шестнадцатого¹⁷ калибра...

– Вообще-то, – уточняю, – еще полсотни приехали вместе со мной. Тебе, наверное, еще доложить не успели.

– А сколько еще ожидать?

– Готовых десятка два, но до конца недели будет еще столько же. И задел сотни на две, стволы там, заготовки и прочее.

– Итого у нас к тысяче «слонобоек» получится.

– Да, с учетом тех, что на руках.

– Значит так: делаете запас еще штук на пятьсот-шестьсот

¹⁶ 0,40 дюйма примерно равно 10 мм.

¹⁷ Напомню, что британский «штуцерный» калибр соответствует гладкоствольному шестнадцатому – 16,8 мм. Поэтому наши герои, для краткости, его тоже называют «шестнадцатым», хотя снаряжение патрона радикально отличается.

и, потихоньку, сворачиваете производство. Но делаете только в магазинном варианте, пусть по одной-две штуки в неделю и даже меньше. Что скажете, парни?

– Нормальный вариант. Только количество стволов до тысячи довести стоит, чтобы был запас. И оснастку всю сохранить. Это как, сложно?

– Да вроде не очень. Демонтировать, в масло и на склад. На неделю работы.

– Тогда людей сможешь перебросить на новые карабины. Потянешь увеличить ствольное производство хотя бы до полусотни в неделю?

– Если попробовать конвейерное производство – думаю, и на шестьдесят-семьдесят выйдем. Будут ли еще заказы на переделку «испанок» на Тьери-Нормана¹⁸? Нам осталось доделать сотни две, больше не завозили.

– И не завезут, – улыбнулся Кобра. – Подразделения «нового строя» практически укомплектованы, а перевооружать всю испанскую армию мы не подписывались, обойдутся. Сергеич, думаю, решит этот вопрос в метрополии. С нас только поставки капсюлей. Вопрос вот в чем: не надо ли выпускать эту систему уже полностью из наших материалов? На продажу.

– А кто предполагается покупателем?

– Думаешь, не найдется?

¹⁸ Затворно-капсюльная система. По мнению автора, весьма простая, технологичная и надежная.

– Викторич, стоит ли овчинка выделки? Делать оснастку под еще одну систему с неясной перспективой. Кроме того, из тех, кого можно вооружать, в округе присутствуют испанцы, которых мы уже, как ты говоришь, обеспечили, англичане, которым мы не продадим ничего по определению, и юсовцы, до которых как до луны раком. Последних я как-то в возможные союзники не записываю, скорее в конкуренты. В общем, если будет прямой приказ – сделаем, нет – увольте. Распылять силы на ерунду не буду! Я сейчас стремлюсь обеспечить нашим бойцам преимущество если не в дальности, то уж в плотности огня точно. Так что мы решим с карабинами? – возвращаюсь к исходному вопросу. – Что ставим в серию, что делаем по мелочам, а что побоку?

– А разница в производстве между самозарядным и «левером» велика?

– Практически нет. Я уже говорил, полуавтомат проще конструктивно и соответственно требует слегка меньше трудозатрат. Процентом эдак на пять.

– Тогда решим так, – с минуту подумал Кобра, – принимаем самозарядку для наших регулярных войск и болтовку для индейского ополчения. Пока закладывайся на сотню первых и пятьсот вторых.

– Кстати, – вмешался Всеслав, – а как сложно будет наладить выпуск короткой двустволки? Мне бы своих погранцов вооружить чем-то мощным и маневренным.

– Екарный бабай! – взвыл я. – Ты хоть представляешь,

насколько сложнее в производстве охотничья двустволка по сравнению с «калашниковым»? То-то и оно. Там же сплошная фрезеровка. Пайку стволов я себе вообще плохо представляю, так что придется соединять на муфтах, а это геморрой еще тот. В общем, получится лупара по цене «Кипчака»...

– Как-как ты сказал? – удивился Всеслав. – Лупара?

– Ага. Народно-национальное оружие сицилийской мафии. Хочешь организовать у нас филиал Коза Ностры?

– Да мне просто нужно что-то для стрельбы накоротке в лесу, зарослях или даже населенных пунктах.

– Может, твоих парней просто «Бантлайнами»¹⁹ вооружить? Тем более опыт имеется – штук семь уже сделали.

– Я помню, что заказывали пять, – удивился Кобра, – в парадном исполнении. Два здесь, три Сергеич увез в Испанию. Где остальные?

Усмехаюсь.

– Ну не мог же я не сделать такую игрушку для себя любимого.

– Маньяк. А седьмой?

– Отдал Утесу.

– А, понятно, начальника ломоносовской охраны благо-

¹⁹ «Бантлайн» – модификация «Кольта» обр. 1873 года со стволом 12–16 дюймов. Названа в честь американского писателя Неда Бантлайна, по легенде имевшего револьвер с двенадцатидюймовым стволом и вооружавшего им своих литературных героев. Так частенько называют любые револьверы со стволом в 12 и более дюймов.

детельствовал.

– Не облагодетельствовал, а вручил символ статуса, так сказать. Он из «Бантлайна» волков отстреливает. Ну так как, Всеслав, револьвер с длинным стволом и прикладом спасет отца русской демократии?

– Не спасет. В смысле не пойдет. Револьверный патрон-то все равно слабоват для наших задач.

– А карабинный?

– Ну, в принципе, пойдет. Только сам карабин длинноват.

– Можно укоротить. Магазин патронов на шесть-семь, ствол до сорока сантиметров режем, меньше не стоит – будет неполное сгорание пороха и грохот соответствующий. Пистолетная рукоятка, складной приклад.

– Это уже интересней. Сделай штук несколько, попробуем.

– Второй вариант – переделать самозарядку в буллпап. Длина будет такая же, а все характеристики, как у «большого».

– Не, нафиг. Не нравятся мне буллпапы. Укороченый, ко всему прочему, еще и легче получится, а значит, маневренней.

– Хорошо. Кстати, коллеги, вы на клеймо внимание обратили?

– А тут есть клеймо? – удивился Курбаши.

– Есть, – подтвердил Кобра. – Я его сразу заметил. Стрела в щите и «ВВВ» – это что означает? «В Вихре Времен»?

– А кто обозвал наши мастерские «Вундер Ваффе Верке»?

– Ну, вполне себе шуточка в стиле Котозавра.

– И, что самое главное, – подчеркнул я, – в точку.

– Нормальное клеймо, не хуже других. А стрелу в щите у Ижевского завода спер?

– Ну, почему сразу спер. Он же основан будет только лет через пятнадцать. Так что не спер, а застолбил.

– Ну и пусть будет, – согласился Кобра. – Ты, похоже, еще и по моделям все раскидал. Я смотрю – номера триста один, триста два и четыреста один.

– Ага. Сотая серия – револьверы, двухсотая для пистолетов зарезервирована.

– Триста – несамозарядные винтовки, – уловил систему Сергей, – четыреста – самозарядные. Что в пятисотую?

– Автоматы. Шестисотая – пулеметы.

– А дальше?

– А тебе мало? – усмехнулся Кобра– Будет что, впишем. Динго, делай партию для войсковых испытаний, минимум по десятку каждой. Все равно какие-нибудь «детские болезни» вылезут. И готовься ставить их на поток. Да, предлагаю к номеру модели букву «М» присовокупить. Солидней выглядеть будет.

– Заметано!

– Кстати, могу тебя порадовать, людей тебе скоро подкинем. Помнишь, еще в прошлом году Ронан отписал несколь-

ко писем своим приятелям, причем по обоим берегам Атлантики. Так вот, недавно пришло письмо от наших ребят с Кубы, там собралось с дюжину семей ирландцев, это не меньше полусотни человек. Ждут каравана к нам. Точнее, ждали на момент отправки письма, сейчас наверняка уже выступили. Так что, думаю, в пределах месяца должны прибыть. Наверняка среди них будут кузнецы и еще какие-нибудь механики, они твои. Остальных пристроим в другие места.

– Столяров бы еще пару-тройку. На ложевое производство, – уточнил я.

– Хорошо. Тогда давайте на этом закругляться, Жень, ты не думал над давешней идеей Зубрилки? Вроде как может потребоваться.

– Точно надо? Работы не на один день, а людей не хватает.

– Надо, Женя, надо.

Эта тема всплывала уже не раз. Еще год назад Зубр оголошил меня дикой идеей. Ни много ни мало, он предложил сделать какой-нибудь «Гатлинг» из штуцерных стволов. Чтобы он был похож на настоящий, только не работал. И чтоб воспроизвести его было трудноато после изъятия нескольких деталей. Они, оказывается, хотят подсунуть такую штуку наглам либо америкосам, якобы искореженную взрывом патрона, даже некий аванпроект набросали под, умереть не встать, «триста восьмой» калибр. А запал предложили соорудить электрический, якобы с улавливанием энергии из атмосферы.

– Зубр, этого ни в коем случае нельзя делать. Пока штучера в «цивилизованных» странах – удел небольшого количества метких стрелков. Ты же хочешь им подкинуть идею нормально работающего нарезного ствола и свести на нет наше преимущество. Пойми, нас слишком мало. Если против нас двинут не паршивые колониальные войска, а батальон егерей, нас вынесут нафиг. Основное наше преимущество – дальность и плотность огня, и его мы не должны упускать. Как ты думаешь, скоро ли передельное ружье от испанцев уйдет тем же наглам? Думаю, через год-полтора у них будет образец. Еще сколько-то они провозятся с капсюлем, пусть десять лет, даже пятнадцать, хотя я в это слабо верю. Целе-направленное стимулирование химиков в нужном направлении даст результат лет через пять, если не раньше. Сделают ударный состав, а прикрутить затвор Тъери-Нормана к штучеру много ума не надо. Вот мы и потеряли половину преимущества в дальности и четверть в скорострельности. А ты хочешь этот процесс подстегнуть. Прикинь, если через год высадят десант, как в октябре девяностого, но с такими винтовками. Ведь задавят нас массой. Нет, тут нужно что-то не только трудновоспроизводимое, но и заведомо бесполезное.

– И что ты предлагаешь?

– Да мелькнула тут мысль. Знаешь, какие боеприпасы даже в двадцать первом веке не получили распространения из-за дороговизны и сложностей с технологией производства?

– Пули с урановым сердечником? – съехидничал Зубрил-

ка.

– Ну, ты загнул! – охренел я. – Все проще. Стреловидные пули к гладкостволу. В теории могут обеспечить сравнимую с винтовкой кучность и дальность, при несколько меньшей цене оружия. Насчет цены «ствола» не знаю, но боеприпасы как бы не в разы дороже получаются. Так что копеечная разница в стоимости ружья мигом компенсируется расходами на патроны. Надо прикинуть, нельзя ли стреловидную пулю в дэбэшку зарядить. С оперением из тонких деревянных пластинок. Заодно и объяснение, почему в ране у убитого только деформированный свинец. В общем, поколдую. Оставим этот девайс для «прикрытия» работы «Кипчака». Да, надеюсь, начальство не будет возражать, если я на это дело расплавию один блок цилиндров от двигателей. После переплавки алюминий, конечно, будет никакой, с оксидом и прочими загрязнениями, но это добавит любопытным тараканов в мозги.

Глава 4. Хрустит, но не французская булка...

«Ах, какое наслаждение – стричь крыжовнику хвосты».

(с) А.К. Толстой, оперетта «Касатка»

Апрель 1794 года

НПЦ «Дакота»

Ирина

1

Сижу на табуретке, сижу на табуретке
Передо мною миска на столике стоит
А за окошком дождик, противно и уныло
Уж целый день как плещет и мы сидим дома мы сидим

И вот так вот уже целый день, действительно, сидим. Правда, еще далеко не осень – весна девяносто четвертого, но сейчас перед нами на кухне стоят корзины с початками прошлогоднего урожая, на кухонном столе огромные миски, скорее даже тазики под кукурузное зерно. Мы его вылуцываем: часть пойдет на посев – остальное скроется «в за-

кромах Родины», так сказать, для пополнения съестных припасов (сухое зерно кукурузы само по себе, крупа кукурузная, мука из нее же, а также крахмал). Корзины уже больше чем наполовину заполнены – еще чуть-чуть, и все.

Часть кукурузин «экспроприировал» Сергей – и варит оные прямо початками, вместе с «рубашками и усиками», в кастрюлище. Запах по кухне и части комнат плывет просто обалденный. К бульканью в кастрюле приплетается пыхтенье самовара, рядом с которым уже выстроились в ряд баночки с разномастными вареньями и с медом. С ручки самовара свешивается на веревочке низка сушек – домашние посиделки намечаются вполне себе на культурном уровне. Чай из самоварчика с вареньем или медом вприкуску с сушками... А также объедание кукурузой с солью и маслицем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.